

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 9

Содержаніе:

„Въ чемъ избавленіе“ — статья
А. В. Чернявскаго.

„Вкладъ Россіи въ побѣду союз-
никовъ“ — докладъ А. К. Баіова.

„Испытаніе“ — разск. В. В. Джа-
кобсъ. Перев. З. Л.

„Похожденія моего кума Ники-
ты Иваныча“. — Изъ воспомина-
ній о быломъ С.-Петербургскаго
купца Т. А. Рыбникова въ пере-
дачѣ В. Нѣмковскаго.

„Возвращеніе Тарзана“ — романъ
Э. Бурроуза. Перев. Э. М.

„Подъ Красной Мантіей“ —
романъ Стенли Уэймана.

Кино.

Мелочи. Копилка курьезовъ.
Эпиграммы.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. Tel. 25-11

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакция: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.

Приемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.

Объявленія: 1/4 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ —50% дороже. При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.

№ 9.

Ноябрь 1924 г.

I годъ изданія.

Въ чемъ избавленіе.

Осень принесла два замѣчательныхъ выступления по вопросу о судьбахъ русской эмиграціи:

Въ „Continental Review“ появилась статья извѣстнаго знатока русскаго вопроса, профессора Эдинбургскаго университета Сароли о „трагедіи русскаго разсѣянія“.

На состоявшемся 11 сентября въ Парижѣ съѣздѣ Русскаго Национальнаго Союза одинъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ національныхъ мыслителей и дѣятелей, бывший министръ иностранныхъ дѣлъ правительства генерала Врангеля проф. П. Б. Струве, сдѣлалъ докладъ о задачахъ русскаго національнаго движенія.

Профессоръ Сароли прежде всего устанавливаетъ размѣры изучаемаго имъ факта:

— Никогда въ исторіи изгнанническихъ группъ не было явленія, огромностью своей подобнаго русской эмиграціи. Никогда въ прошломъ ни религиозные изгнанники 16 и 17 вѣковъ гугеноты, ни эмиграція французской революціи не насчитывала и десятой доли огромной двухмиліонной толщи современнаго русскаго бѣженства.

Эта единственная въ мірѣ масса проходитъ трагическую школу труда, познанія и политическаго опыта, который подготавливаетъ ее къ будущей огромной созидательной и формировочной работѣ въ Россіи.

Эта роль, на столѣтія предопредѣлитъ будущее лицо Россіи:

— Отъ переживаній и настроеній русской эмиграціи, — пишетъ проф. Са-

роли, — зависитъ отношеніе будущей Россіи къ иностранцамъ и ряду государствъ, связанныхъ съ великимъ русскимъ материкомъ — жизненной связью общности прошлыхъ судебъ, интересовъ и грядущей роли въ Европѣ.

Таковы окраинныя и славянскія страны.

Такова вся центральная и юго-восточная Европа, которая, — хочетъ она этого или не хочетъ, — но силой событийъ втягивается въ общія судьбы великаго русскаго материка, — этой, гигантской равнины Евразіи съ населеніемъ въ 150 милліоновъ.

Первой поняла эту огромную роль эмиграціи Чехословакія.

Цѣною большихъ матеріальныхъ жертвъ, цѣною поддержки русскимъ научнымъ и культурнымъ силамъ Чехословакія готовитъ себѣ неисчерпаемый рынокъ духовныхъ и матеріальныхъ цѣнностей въ будущей Россіи.

Второй поняла эту истину Германія. Но, конечно, — своекорыстно.

Ея вожди дѣлаютъ все для подготовки въ будущемъ російско-нѣмецкаго политическаго и культурнаго союза:

Нынѣ Берлинъ — русская колонія, — тонко замѣчаетъ профессоръ Сароли. — Но кто знаетъ не сдѣлается ли завтра же вся — Россія германской колоніей?

Имѣющіе уши да слышатъ. Кто желаетъ имѣть за себя Россію будущаго, тотъ долженъ заботиться о переживаніяхъ, брошенныхъ въ его страну русскихъ изгнанниковъ:

Будущее великаго русскаго материка въ значительной степени зависитъ отъ тѣхъ двухъ миллионъ эмигрантовъ, которые на чужой сторонѣ проводятъ годы своихъ скитаній.

— *Какъ* они ихъ проведутъ воть вопросъ, въ которомъ кровно заинтересована Европа, если она хочетъ имѣть въ 150 миллионной громадѣ русскаго Сфинкса друга, а не все болѣе и болѣе рельефно обозначающаго за послѣдніе годы социальнаго и культурнаго непримирнаго врага.

Развѣ эти мысли не наши? Развѣ не созвучно звенятъ въ унисонъ этимъ идеямъ умнаго иностранца, за таенныя мысли русскаго изгнанника?!

Въ одномъ тѣмъ нельзя пріять, или по крайней мѣрѣ цѣликомъ пріять, профессора Сароли.

Онъ думаетъ, что не эмиграція свергнетъ большевиковъ, — сверженіе ига придетъ только изнутри. Только послѣ низверженія большевиковъ начнется творческая роль эмиграціи.

Но на то проф. Сароли и иностранецъ, чтобы думать именно такъ о трагедіи русскаго разсѣянія.

Тѣмъ цѣннѣе и интереснѣе идеи доклада П. Б. Струве:

— Въ чемъ главное зло большевизма?

— Куда направлены были наиболѣе беспощадные его удары?

Разрушить среди русскихъ національное самосознаніе. Разрушить національное государство.

Средствомъ для этого была избрана идея интернационализма. А трамплиномъ, подпоркой, которая помогла имъ сдѣлать этотъ прыжокъ, вытравленіе всякихъ проблесковъ русскаго національнаго чувства у русскаго правящаго и мыслящаго слоя, у русской интеллигенціи.

Признавался и возводился въ перль созданія всякій инородческой націонализмъ: польскій, финскій, литовскій и еврейскій. Русскій же націонализмъ считался синонимомъ черносотенства.

П. Б. Струве считаетъ, что линия раздѣленія между силами враждебными національной Россіи и силами за нее борющимися проходитъ именно между націоналистами и интернационалистами, которыми являются практически всѣ социалистическія партіи.

Въ этомъ отношеніи П. Б. Струве совершенно правъ.

Но онъ ошибается, утверждая, что разногласія между националистами не имѣютъ значенія:

— Разногласія между республиканцами и монархистами не имѣютъ значенія передъ лицомъ задачи возсозданія государства.

Эта ошибка П. Б. Струве, совпадающая съ политически неясной программой спасенія Россіи у Добровольческой Арміей, тѣмъ болѣе очевидна, что онъ самъ считаетъ, что націонализмъ республиканскій, въ сущности, не настоящій націонализмъ:

— У республиканцевъ національныхъ достижений нѣтъ. Для Национальной Россіи мертвы буквы: „Д. Р.“ — Демократическая республика.

Интересны выводы П. Б. Струве о соотношеніи силъ обоихъ группъ среди національно настроенныхъ слоевъ эмиграціи:

Монархистовъ большинство. Они правда состоятъ изъ монархистовъ по разуму и монархистовъ по чувству. Это очень важно съ точки зрѣнія будущихъ судьбъ Россіи. Но фактически въ пропагандѣ этихъ идей уже нѣтъ необходимости, ибо монархизмъ все завоевалъ.

Свой докладъ П. Б. Струве, кончаетъ призывомъ къ пониманію и взаимной терпимости подлинныхъ националистовъ разныхъ отбѣнокъ:

Предстоитъ сложная борьба различныхъ поколѣній. Люди разныхъ симпатій и устремленій должны научиться сидѣть за однимъ столомъ. Но борьба съ большевиками бессмысленна теперь внѣ основной національной задачи, которую не понимаютъ наши лѣвые.

— Стронники „Д.Р.“, — демократической республики, — требуютъ прежде всего поклоненія ихъ республиканской вѣрѣ. Но это требованіе поклоненія вредитъ реальному дѣлу и дѣлаетъ невозможнымъ совмѣстную работу по отношенію къ заклятому врагу.

„Внѣ основной національной задачи борьба бессмысленна“, заканчиваетъ П. Б. Струве.

Мы думаемъ, что національная идея это только первая необходимая ступень: поруганную Вѣру и Отечество можетъ спасти лишь Историческая и Единая Русская Власть. **Александръ Чернявскій.**

Вкладъ Россіи въ побѣду союзниковъ.

А. К. Баювъ.

Окончаніе.

Тѣмъ не менѣе 21-го мая Австрійцы вновь заняли Перемышль, а Германцы, пользуясь продолжающимся боевымъ бездѣйствіемъ англо-французовъ, получили возможность сосредоточить также большія силы для ударовъ въ направленіи Риги и Варшавы и приступить къ вытѣсненію терпѣвшей въ это время полный недостатокъ въ вооруженіи и въ боевыхъ припасахъ русской арміи изъ Галиціи и Царства Польскаго.

Присоединеніе къ нашимъ союзникамъ 1-го іюля Италіи, при бездѣйствіи англо-французскихъ армій, не внесло никакихъ измѣненій въ положеніе нашихъ армій, которыя, обезсиленные физически и надорванные нравственно, продолжали отступать, хотя и съ громадными потерями, но также планомерно, не допуская нѣмцамъ уничтожить себя, къ чему они такъ стремились.

Такое отступление продолжалось пять мѣсяцевъ и на протяженіи всѣхъ пяти мѣсяцевъ это была сплошная Голгофа русской арміи.

Днемъ сражались, ночью отходили; отдыха не было ни на одну минуту и солдаты и офицеры отъ усталости впадали въ полную прострацію; они переставали сознавать окружающее, они то галлюцинировали, то ни физически, ни морально не отзывались на происходящее; они потеряли всякія чувства и впадали въ полное тупое равнодушіе.

Торжествующій врагъ, обильно снабженный всѣмъ необходимымъ, воодушевленный своими успѣхами, получающій постоянно притокъ свѣжихъ силъ, взятыхъ изъ какъ бы умершаго французскаго фронта, непрестанно тѣснилъ наши доблестныя войска, которыя и въ эти безмѣрно тяжелые дни свято выполняли свой долгъ и, почти лишеныя средствъ борьбы, дѣлали все возможное и даже невозможное для того, чтобы сдерживать обнаглѣвшаго врага, для чего нерѣдко переходили въ контръ-наступленіе, нанося ему значительныя протери и наказывая его за проявляемыя имъ попытки пренебрежительнаго отношенія къ еще не сломленному врагу.

За пять мѣсяцевъ отступленія мы отошли болѣе, чѣмъ на 400 в., и за это время потеряли: Львовъ, Варшаву, Ковно, Новогеоргіевскъ, Осовецъ, Брестъ, Луцкъ, Вильно, Барановичи.

Лишь въ половинѣ сентября нѣмцы, тоже сильно разстроенные, убѣдившись, что имъ не сломить нашихъ мужественныхъ армій, и опасаясь слишкомъ далеко проникать вглубь нашей безконечной территоріи, остановили свой натискъ; и на всемъ русскомъ фронтѣ отъ Рижскаго залива до Румынской границы съ этого времени установилась позиціонная война.

Ну, а что же наши союзники?

Вѣдь мы же не одни вели войну и еще только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы цѣною тяжкихъ жертвъ спасли Францію отъ полнаго разгрома и тѣмъ дали возможность продолжать борьбу и Англии!

О ходѣ событій у насъ имъ сообщало, несомнѣнно, наше Верховное Командованіе. Они, конечно, отъ своихъ многочисленныхъ военныхъ представителей, съ такимъ вниманіемъ и радушіемъ принимаемыхъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, отлично были освѣдомлены о всѣхъ подробностяхъ той тяжелой драмы, которая втеченіи всего лѣта 1915 года разыгрывалась на русскомъ фронтѣ и страдательной стороной въ которой была наша армія, ихъ спасительница. Наконецъ, что пережили наши войска, въ какомъ положеніи они были во время этого великаго и ужаснаго отступленія, наши союзники получали свѣдѣнія отъ нашихъ офицеровъ, которые находились во Франціи, въ цѣляхъ установленія связи и для взаимнаго ознакомленія съ происходящимъ на обоихъ фронтахъ.

Ну и что же?

Союзники почти совершенно, какъ говорится, пальцемъ не пошевельнули, чтобы помочь намъ.

Они произвели нѣсколько попытокъ незначительными силами наступленія на нѣмцевъ, о которыхъ послѣдніе сами теперь говорятъ, что „это были небольшія атаки, которыя легко отбивались“.

А затѣмъ, кромѣ этого, и на официальныя просьбы нашего Верховнаго Командованія и на полу-официальное ходатайство нашихъ представителей союзники отвѣчали, что они больше ничѣмъ не могутъ помочь намъ, такъ какъ они совершенно не готовы къ тому, чтобы перейти въ болѣе или менѣе крупное наступленіе и тѣмъ отвлечь на себя, хотя бы немного, вражескихъ силъ, облегчивъ тѣмъ наше положеніе.

Какъ горько и обидно было, видя неимоверныя страданія нашей арміи, слышать объ этихъ эгоистичныхъ и безжалостныхъ заявленіяхъ нами спасенныхъ!

Еще больнѣе было читать и въ частныхъ письмахъ и въ официальныхъ донесеніяхъ и отчетахъ сообщенія нашихъ представителей во Франціи, что союзники имѣютъ достаточное количество отдохнувшихъ, хорошо обученныхъ, на основахъ только-что полученнаго боевого опыта, и обильно снабженныхъ оружіемъ и боевыми припасами войскъ для перехода въ наступленіе.

Эта горечь еще болѣе усиливалась освѣдомленіемъ о томъ, что и обстановка для такого наступленія складывалась на французскомъ фронтѣ благоприятно, хотя бы уже потому, что противникъ тамъ сильно ослабилъ свои войска, а позиціи его не представляли собою непреодолимыхъ твердынь.

Эта обида становилась еще болѣе невыносимой отъ сознанія, что такое благополучіе англо-французской арміи, создалось, благодаря намъ, привлечшимъ на себя громадныя силы врага и позволившимъ нашимъ союзникамъ послѣ Марны работать на возстановленіе и развитіе своей военной мощи почти-что въ мирной обстановкѣ.

Даже въ присылкѣ намъ оружія и особенно необходимыхъ намъ въ этотъ періодъ снарядовъ намъ отказывали союзники подъ предлогомъ, что ихъ заводы работаютъ для покрытія собственной нужды.

Какъ удары молота по головѣ, какъ укусы змѣи въ сердце, отдавались въ душахъ нашихъ слова нашихъ „благородныхъ“ союзниковъ: „не готовы, не можемъ, самимъ нужны“.

Только это и слышали мы тогда отъ нашихъ союзниковъ, да еще постоянные совѣты потерпѣть и назойливыя прось-

бы не отступать, крѣпко держаться, такъ какъ иначе Италія, которая склонялась къ тому, чтобы примкнуть къ союзникамъ, могла подъ влияніемъ нашихъ неудачъ, нашего отступленія отказаться отъ этого намѣренія.

Больно было переживать это тогда, горько объ этомъ вспоминать теперь!

И непонятно было такое предоставленіе самимъ себѣ нашихъ армій въ этотъ грозный для насъ періодъ войны.

Вѣдь каждый, кто мало-мальски понимаетъ военное дѣло, казалось бы, долженъ былъ сознавать, что такое отступленіе, которое пришлось продѣлать намъ въ 1915 году, даже и на русскую армію должно было подѣйствовать вредно, разлагающе и что врядъ ли даже и она не будетъ морально надорвана настолько, что потеряетъ способность послѣ всего перенесеннаго ею возстановить въ полной мѣрѣ ее разслабленный духъ.

Или французы помнили еще наше отступленіе въ 1812 году и послѣдующіе затѣмъ наши дѣйствія вплоть до занятія Парижа?

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что только съ лѣта 1915 года стало возможнымъ большое влияніе среди нашихъ солдатъ господъ изъ Земгора, въ значительной степени подготовившихъ разложеніе арміи въ періодъ, такъ называемаго, Временнаго Правительства, истиннаго разрушителя Государства Россійскаго.

Вспоминается мнѣ, что однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ для прекращенія войны у прибывшихъ въ іюль 1917 года изъ Москвы въ командуемая мною войска агитаторовъ, несомнѣнно посланныхъ уже большевиками, было нежеланіе дѣйствовать совмѣстно съ союзниками, которые по словамъ этихъ агитаторовъ „предали“ наши арміи лѣтомъ 1915 года, не оказавъ намъ никакого содѣйствія.

И помню я, какъ трудно было разубѣждать въ этомъ подчиненныхъ мнѣ солдатъ, значительная часть которыхъ лично на себѣ испытала ужасы отступленія съ береговъ Дунайца въ 1915 году.

Совершенное русской арміей лѣтомъ 1915 года не ограничивается только красотой, можно сказать, легендарнаго, воинскаго подвига, — оно имѣло весьма большее значеніе для всего послѣдую-

шаго хода войны и оказало громадное влияние на благоприятный для союзниковъ конечный ея исходъ.

Лишь героическія дѣйствія нашихъ армій дали возможность не только возстановить расшатанное въ первый періодъ войны военное могущество Франціи, но еще и сильно развить его; только жертвенная кровь сотенъ тысячъ русскихъ воиновъ, пролитая лѣтомъ 1915 года, дала возможность Англии создать свою вооруженную силу, способную бороться въ современныхъ условіяхъ съ такимъ „строгимъ“ непріателемъ, какимъ были германскія арміи.

Плоды же этой работы Франціи и Англии, одухотворенной національнымъ гениемъ нашихъ союзниковъ, сказались въ боевыхъ дѣйствіяхъ послѣдующихъ годовъ войны, вплоть до мощнаго и искуснаго послѣдняго наступленія маршала Фоша во второй половинѣ 1918-го года.

Но повторяемъ, постѣвъ, давшій эти плоды могъ быть совершенъ въ свое время только лишь благодаря героическому поведенію нашихъ солдатъ и офицеровъ, свято исполнявшихъ свой долгъ на поляхъ Галиціи, Польши, Холмчины, Волини, Бѣлоруссіи, Литвы и Курляндии.

Да не забудется это!

Когда прекратились боевыя дѣйствія на Восточномъ фронтѣ, тогда, лишь тогда послѣдовалъ ударъ союзниковъ на нѣмцевъ: 12 сентября началось, такъ называемое, осеннее сраженіе въ Шампани, восточнѣ Реймса; оно продолжалось 18 дней и французы проникли вглубь противника только на 2 версты.

Между тѣмъ въ концѣ сентября 1915 года армія Макензена приступила къ завоеванію Сербіи, наступая съ сѣвера; ему содѣйствовали Болгары, которые 1-го октября объявили Сербамъ войну и которые теперь наступали на нихъ съ Востока. Сербы попали въ безвыходное тяжелое положеніе. Тогда Главнокомандующій Сербской Арміей, Королевичъ Александръ, двумя телеграммами отъ 16-го октября черезъ своего военного агента при Ставкѣ просилъ помощи союзниковъ и въ особенности Россіи.

Наше Верховное Главнокомандованіе тотчасъ же откликнулось на этотъ призывъ.

Утомленность и разстроенность нашихъ армій послѣ только-что закончившагося отступленія, и необходимость громадной работы по возстановленію своей боеспособности, въ связи съ необходимостью закрѣпить свое положеніе созданіемъ сильныхъ позицій, не позволили, однако, тотчасъ предпринять что-либо для оказанія дѣйственной помощи Сербіи.

Для этой цѣли пришлось формировать новую армію, которая въ декабрѣ 1915 года и начала наступленіе противъ австрійцевъ на рѣкѣ Стрыпѣ, съ цѣлью отвлечь на себя значительныя силы австрійцевъ.

Наступленіе это, однако, по причинамъ спеціальнаго характера, закончилось 7-го января 1916 года безуспѣшно. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что операція эта по причинамъ, только что указаннымъ, была начата съ большимъ опозданіемъ, имѣла слѣдствіемъ то, что готовность нашего высшаго командованія помочь союзникамъ и самоотверженная дѣятельность войскъ въ этихъ цѣляхъ не дали благоприятнаго результата и Сербская армія вынуждена была покинуть предѣлы своего отечества.

Послѣ этого у насъ на фронтѣ настало затишье и происходило накапливанье новыхъ силъ — первое въ виду атмосферныхъ условій: дожди, снѣга, оттепели не допускали возможности производить широкія операціи; второе — на случай новыхъ политическихъ осложненій.

Но вотъ 8-го февраля 1916 г. германцы начали атаку Вердена, стремясь съ захватомъ его прорвать расположеніе французскаго фронта и открыть себѣ путь къ Парижу.

Первоначально нѣмцы имѣли крупный успѣхъ, который очень обезпокоилъ французовъ, и тогда они стали настойчиво просить русское главнокомандованіе помочь имъ, перейдя въ наступленіе.

Вотъ что по этому поводу говоритъ одинъ изъ нѣмецкихъ военныхъ авторитетовъ Отто фонъ Мозеръ въ своей книгѣ: „Краткій стратегическій обзоръ Мировой войны 1914—1918 гг.“:

„Нѣмецкое верховное командованіе въ бою у Вердена къ марту ввело въ дѣйствіе большую часть своихъ резервовъ и тяжелой артиллеріи и, такимъ

образомъ, западный фронтъ нуждался въ подкрѣпленіяхъ не только изнутри страны, но и со стороны Восточнаго фронта и Австро-Венгерскихъ войскъ. Но нѣмецкій восточный фронтъ не могъ оказать эту помощь потому, что Антанта настояла на томъ, чтобы русскіе своимъ наступленіемъ не дали возможности германцамъ дѣлать переброски на западъ, къ Вердену. 5 го марта, т. е. въ неблагопріятное время года, началось неожиданное наступленіе русскихъ у Нарочскаго озера и у Поставъ, распространившееся въ послѣдствіи до Риги и длившееся вплоть до половины марта. Это наступленіе было предпринято съ громадными силами, какъ людскими, такъ и матеріальными; оно велось русскимъ командованіемъ крайне энергично... Русскія войска шли въ бой съ фанатическимъ самоотверженіемъ.. Хотя наступленіе русскихъ и было отбито... но самый фактъ русскаго наступленія указалъ на слѣдующія два явленія: во 1-хъ, что не было достигнуто серьезнаго, а тѣмъ болѣе длительного ослабленія русской наступательной силы и воли, и во 2-хъ, что нѣмецкій восточный фронтъ дѣйствительно нуждался въ той полумилліонной арміи, которая была расположена между Ригой и Пинскомъ... Каждую минуту могли возобновиться русскія атаки."

Врядъ ли что-нибудь нужно добавлять къ этой характеристикѣ дѣйствій нашихъ войскъ, характеристикѣ столь ярко и отчетливо опредѣляющей значеніе этихъ дѣйствій и сдѣланной къ тому же изъ стана нашихъ враговъ.

Однако, хочется подчеркнуть, что какъ только союзники просятъ о содѣйствіи, то наше главнокомандованіе, не считаясь ни со степенью нашей готовности, ни съ крайне неблагопріятными общими условіями для боевыхъ дѣйствій, тотчасъ, въ цѣляхъ выполненія просьбы союзниковъ, предпринимаетъ энергичное наступленіе громадными силами, войска же идутъ въ бой съ „фанатическимъ самоотверженіемъ“.

Какъ это не похоже на поведение союзниковъ лѣтомъ 1915 года!..

Еще одно обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе — это именно то, что даже пятимѣсячное отступленіе на протяженіи 400 в., при крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не только не

повело къ серьезному ослабленію нашихъ силъ, но даже и къ ослабленію въ войскахъ воли къ наступленію.

Это не похвальба съ нашей стороны, а свидѣтельство нашего врага.

Мы же отъ себя только добавимъ, что, врядъ ли, на это способна была еще какая-либо армія, кромѣ русской Императорской.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что операцію наступленія нашихъ войскъ у Нарочскаго озера нельзя считать выполненной высшимъ командованіемъ искусно и вполне достигнутой желаемого для насъ результата.

Во всякомъ случаѣ, если французы имѣютъ право гордиться Верденомъ, то чувство справедливости должно имъ подсказывать, что въ лавровомъ вѣнкѣ ихъ Верденской славы есть много вѣтвей и нашихъ русскихъ, безъ которыхъ и самый бы вѣнокъ разсыпался.

Еще не окончились бои подъ Верденомъ, какъ въ самомъ началѣ мая Австро-Венгерцы перешли въ наступленіе противъ итальянцевъ въ горахъ Тироля.

Удачное сначала наступленіе это угрожало Итальянскому фронту прорывомъ и окруженіемъ. Однако, итальянцы своими контръатаками временно пріостановили его, но истощеніе ихъ силъ было такъ велико, что они могли опасаться за свое будущее.

Тогда они обратились за содѣйствіемъ къ нашему верховному командованію, прося его перейти въ наступленіе противъ австрійцевъ и тѣмъ заставить ихъ вернуть на русскій фронтъ значительную часть ихъ силъ изъ Тироля.

Отвѣтомъ на эту просьбу Итальянцевъ было съ нашей стороны, такъ называемое, Брусиловское наступленіе.

22-го Мая весь нашъ юго-западный фронтъ, отъ Луцка до Черновицъ, послѣ тщательной и искусной подготовки, перешелъ въ энергичное наступленіе, которое съ первыхъ же дней было чрезвычайно успѣшно и въ конечномъ итогѣ, при поддержкѣ не особенно, правда, удачной нашей атаки у Барановичъ въ серединѣ іюня, дало богатѣйшіе результаты.

Австро-Венгерцы были совершенно разгромлены.

Войска Брусилова отняли у противника территорию приблизительно въ 25.000 кв. верстѣвъ и Буковинной. Они взяли въ плѣнъ 9000 офицеровъ и 41000 солдатъ; ихъ военной добычей было: 580 орудій, 1800 пулеметовъ, 450 бомбометовъ и минометовъ, а также громадное количество самаго разнообразнаго военнаго имущества.

Однако, значеніе этого успѣха опредѣляется, конечно, не только указанными цифрами отнятой территории, взятыхъ плѣнныхъ и захваченной добычи.

Для поддержки разгромленныхъ Брусиловымъ австрійцевъ явилось необходимымъ перебросить нѣсколько австрійскихъ дивизій съ итальянскаго фронта и 20 дивизій германцевъ съ французскаго фронта, съ сѣверной части русскаго фронта и изъ Македоніи.

А это имѣло слѣдствіемъ то, что: во 1-хъ, австрійцы должны были окончательно отказаться отъ атакъ на итальянскомъ фронтѣ, и во 2-хъ, германцы вынуждены были оставить всякія попытки противъ Вердена, которыя они еще стремились продолжать, чѣмъ устранилась совершенно угроза для англо-французовъ прорыва ихъ фронта и свободнаго наступленія нѣмцевъ къ Парижу.

Короче говоря, Брусиловское наступленіе еще разъ спасло Францію, обезпечило возможность дальнѣйшей борьбы въ благоприятныхъ условіяхъ для Англій и вывело изъ катастрофическаго положенія Италію.

Результатъ, какъ видно, не малый и, казалось, онъ не долженъ былъ бы когда-либо забыться тѣми, къ кому онъ непосредственно относился.

А въ дѣйствительности?

Политика Эррио, Макдональда и Муссолини, всегдѣло пренебрегающая интересами національной Россіи и болѣе, чѣмъ доброжелательно относящаяся къ Триэсеріи, властители которой контрабандой используютъ матеріальное и моральное достояніе Императорской Россіи, нагло, такимъ образомъ, вводя въ заблужденіе человечество на пользу 3 интернаціонала.

Кстати отмѣтимъ, что Брусиловское наступленіе, вмѣстѣ съ одновременной почти нашей атакой у Барановичъ, обошлось намъ въ 5500 офицеровъ и

около 370.000 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, которые были принесены нами въ жертву интересамъ Англій, Франціи и Италіи.

Любопытно также по поводу этой операціи привести здѣсь слова уже цитированнаго мною авторитетнаго нѣмецкаго военнаго писателя Отто фонъ Мозера, который говоритъ: „Если бы въ этотъ критическій моментъ, (т. е. въ моментъ Брусиловскаго наступленія), въ концѣ мая Англо-Французскія войска перешли бы въ рѣшительное наступленіе то, даже не добившись сразу прорыва, они такъ сковали бы нѣмецкій западный фронтъ, что нѣмецкое верховное командованіе не было бы въ состояніи удовлетворить настойчивую просьбу о помощи Австро-Венгріи, переданную 23-го мая“.

Другими словами, нѣмцы не могли бы тогда перебросить противъ Брусилова 20 свѣжихъ дивизій изъ резерва, а при такихъ обстоятельствахъ успѣхъ нашего юго-западнаго фронта былъ бы еще болѣе грандіознымъ и, конечно, Австро-Венгрія тогда уже должна была бы выйти изъ войны, согласившись на всѣ предъявленныя ей условія.

Но Франція, подобно тому, какъ это было лѣтомъ 1915 года въ это время совершенно бездѣйствовала.

Что это? Случайность, являющаяся слѣдствіемъ слишкомъ узкаго и близорукаго пониманія общаго положенія вещей, или система?

Не хочется допускать мысли, что тогда уже союзники наши не желали допускать слишкомъ крупныхъ успѣховъ Россіи.

Но развитію успѣха Брусиловскаго наступленія помѣшало не только то, что Англо-Французы въ іюнѣ 1916 года не перешли въ наступленіе, но также и появленіе у насъ новаго союзника, навязаннаго намъ Англійей и Франціей.

17-го августа подъ сильнымъ дипломатическимъ давленіемъ нашихъ союзниковъ Румынія примкнула въ Антантѣ.

Это вступленіе Румыніи на сторонѣ Антанты было крайне невыгодно для насъ въ военномъ отношеніи.

Наличіе нейтральной Румыніи у насъ на лѣвомъ флангѣ вполне обезпечивало этотъ флангъ, ограничивая въ то же время нашъ и безъ того сильно растянутый фронтъ. Теперь это пре-

имущество терялось и эта потеря не могла быть восполнена приращением силъ Антанты румынской арміей, ибо хотя численность этой арміи и равнялась нѣсколькимъстамъ тысячамъ человекъ, но она была крайне плохо подготовлена въ боевомъ отношеніи, а моральная устойчивость ея была весьма слаба.

А то и другое вызывало въ будущемъ необходимость сильной поддержки румынской арміи нашими войсками.

Это сознавалъ отлично начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Алексѣевъ, который всѣмъ своимъ вліяніемъ и своимъ авторитетомъ боролся противъ вступленія румынъ на нашей сторонѣ.

Но союзники наши и особенно Франція настаивали на этомъ: они опасались, что въ противномъ случаѣ Румынія добровольно или подъ давленіемъ присоединится къ Австро-Германіи.

Однако, опасенія эти были неосновательны.

Отъ добровольнаго присоединенія и, такимъ образомъ, къ сохраненію нейтралитета Румынію можно было бы удержать, обѣщая ей все то, что ей было обѣщано и за выступленіе противъ четвертнаго союза.

Насильно Австро-Германцы не стали бы это дѣлать, ибо сраженіе на рѣкѣ Соммѣ, начавшееся 1-го іюля, и послѣдующія затѣмъ атаки на другихъ участкахъ французскаго фронта въ теченіи почти 5 мѣсяцевъ настолько отвлекали вниманіе и силы нѣмцевъ, что добровольно начинать боевыя дѣйствія противъ Румыніи, въ дѣлахъ заставить ее присоединиться къ нимъ, они, конечно, не стали бы.

Вообще присоединеніе Румыніи къ четвертному союзу, врядъ ли, считалось тогда послѣднимъ выгодно, такъ какъ нѣмцы хорошо знали слабыя стороны Румынской арміи, а имъ довольно было заботъ и съ Австро-Венгерской арміей.

Въ дѣйствительности, въ началѣ декабря 1916 года румынская армія была окончательно разбита австро-германо-турско-болгарскими войсками, хотя эти войска были въ три раза слабѣе румынъ.

Это привело къ тому, что мы должны были спасти Румынію, создавши новый, такъ называемый, румынскій фронтъ и

удлинивъ свое общее расположеніе почти на 400 верстъ.

Этотъ фронтъ былъ созданъ изъ войскъ другихъ фронтовъ, преимущественно, юго-западнаго, которые были такимъ образомъ сильно ослаблены. Вслѣдствіе этого, какія-либо активныя операци на нихъ и особенно у Брусилова считались совершенно невозможными.

Войскамъ, составляющимъ новый фронтъ, первоначально приходилось вести бой въ весьма тяжелыхъ условіяхъ, что потребовало крайнихъ усилий и громаднхъ жертвъ.

Прикрывая живымъ щитомъ нашихъ корпусовъ отходившія, совершенно разстроенныя и деморализованныя румынскія арміи, мы дали имъ возможность собраться въ далекомъ тылу, гдѣ онѣ были переорганизованы, обучены и сдѣланы вновь болѣе или менѣе боеспособными. Все это время арміи наши удерживали румынскій фронтъ, обезпечивая восточную часть королевства отъ покушеній врага, захватившаго уже западную его часть.

Такимъ образомъ, присоединеніе къ Антантѣ Румыніи совершилось какъ бы только для того, чтобъ создать намъ еще одного союзника, котораго намъ нужно было спасать. И мы спасли его!

Наша армія исполнила и это новое возложенное на нее союзниками обязательство, какъ дѣлала она это и раньше по отношенію этихъ же самыхъ союзниковъ. Они знали, что это будетъ такъ, и потому, вопреки желанію Россіи, они навязали ей новаго союзника, сдѣлавъ это съ тѣмъ болѣе легкимъ сердцемъ, что это имъ ничѣмъ не угрожало, ничѣмъ ихъ не затрудняло, а напротивъ во всякомъ случаѣ облегчало, такъ какъ для борьбы съ этимъ новымъ членомъ Антанты четвертнаго союзъ долженъ былъ выдѣлить часть своихъ силъ, снявъ ихъ съ Англо-Французскаго фронта.

Несмотря на тяжелое положеніе, въ которомъ оказались наши арміи послѣ румынскаго выступленія, онѣ представляли собой все же столь могучую силу, что было вполне возможнымъ и желательнымъ послѣ небольшого отдыха использовать ихъ для производства широкихъ активныхъ, общихъ съ союзниками операций.

Вслѣдствіе этого, на совѣщаніи представителей всѣхъ членовъ Антанты было рѣшено весной 1917 года произвести общее одновременное наступленіе, въ цѣляхъ нанести послѣдній и рѣшительный ударъ Германіи и ея союзникамъ.

Это наступленіе, намѣченное на начало марта, было тщательно разработано и подготовлено и являлось бы первымъ, которое произошло бы при полной согласованности въ дѣйствіяхъ союзниковъ.

Такое наступленіе, можно съ увѣренностью сказать, было бы успѣшнымъ и несомнѣнно уже къ лѣту 1917 года привело бы къ полной побѣдѣ Антанты и закончило бы длившуюся уже два съ половиною года безпримѣрную въ исторіи войну.

Это отлично понимали не только войска на фронтѣ, которая усердно готовились къ послѣднему удару на упорнаго и искуснаго врага, но сознавали также и тѣ, для которыхъ несомнѣнный успѣхъ этого послѣдняго удара былъ нежелателенъ.

Наша „передовая“, „прогрессивная“ интеллигенція, во главѣ которой стояли честолюбивые и мстительные до забвенія интересовъ Родины Милюковы и Гучковы, къ которымъ примкнули по неразумнѣю и глупому чванству Родзянки, а также мнящие себя государственными людьми другіе члены, такъ называемаго, „прогрессивнаго блока“ Государственной Думы,— эта интеллигенція хорошо понимала, что съ окончательной нашей побѣдой надъ вѣковѣчнымъ врагомъ Славянства, достигнутой арміей, во главѣ которой непосредственно стоялъ Царь, у насъ утвердятся такъ имъ ненавистный „Царизмъ“, и что только одно наше военное пораженіе можетъ устранить этотъ „царизмъ“ и дать имъ возможность захватить власть въ свои руки.

Эти то господа, пользуясь при ихъ содѣйствіи широко распространенной уже раньше противоправительственной пропагандой на фронтѣ и въ тылу черезъ посредство земскаго и городского союзовъ и военно-промышленнаго комитета, искусственно вызвали, такъ названную, ими: „Великую, безкровную революцію“, которая вскорѣ развалила и армію и все Государство.

Конечно, при такихъ условіяхъ предполагаемаго общаго наступленія не могло быть и напротивъ того, естественнымъ послѣдствіемъ его могло быть только пораженіе. Но это пораженіе понесла уже не Императорская Русская армія.

Лишенная того основанія, на которомъ она была построена; того цемента, которымъ она была спаяна въ одно могучее монолитное цѣлое; тѣхъ идей и тѣхъ чувствъ, которыми она руководилась втеченіе болѣе двухсотлѣтняго своего существованія въ своихъ дѣяніяхъ на пользу своей Родины; того знамени, на которомъ все это было выражено эмблемами, содержащими понятія о вѣрѣ, Царѣ и Отецествѣ—русская армія сначала растерялась, пришла въ недоумѣніе, затѣмъ опьянилась до потери сознанія неумѣренной дозой свободы, навязанной ей революціей, и, наконецъ, обезумѣвшая разложилась и самоуничтожилась. Съ исчезновеніемъ Императорской Русской арміи, вскорѣ исчезла не только Императорская, но и вообще Россія.

Пользуясь этимъ, наши прежніе союзники, наши недавніе боевые соратники стараются забыть, что достиженіемъ окончательной побѣды въ Міровой войнѣ они обязаны героическимъ дѣяніемъ русской національной арміи; что ихъ нынѣшнее благополучіе въ значительной степени построено на священной крови русскаго солдата и русскаго офицера; что самимъ своимъ существованіемъ въ настоящемъ видѣ они обязаны жертвамъ русскаго народа.

Но можемъ ли мы забыть это?

Забывая о своемъ долгѣ передъ Россіей, русскимъ народомъ и русской арміей, члены большой и малой Антанты одинъ передъ другимъ, стараясь не опоздать и пренебрегая всѣми нравственными стимулами, торопятся предложить свое признаніе врагамъ, неоднократно спасавшей ихъ національной Россіи.

Но можемъ ли мы простить это?

Что-бы, совершивъ это злое дѣло, въ послѣдствіи не быть передъ кѣмъ-либо отвѣтственнымъ за него, спасенные и возрожденные нами народы стремятся вмѣстѣ съ 3 интернационаломъ, этимъ истиннымъ распорядителемъ судебъ того, что нѣкогда носило священное для насъ имя Россіи, окончательно уни-

чтожить всѣ остатки національной Россіи, всѣхъ и все то, что можетъ способствовать возсозданію великой нашей Родины.

Но можемъ ли мы мириться съ этимъ? Конечно нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Мы не можемъ забыть, что въ Міровой войнѣ погибло до 5 мил. нашихъ отцовъ, братьевъ и сыновъ. Мы не можемъ простить черной неблагодарности нашихъ друзей и союзниковъ. Мы не можемъ мириться съ заколачиваніемъ осиноваго кола на могилѣ нашей Родины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы горячо вѣримъ, что воскреснетъ безмѣрно любимая нами Россія, что мы дождемся возрожденія національной русской арміи съ ея

возышенными священными традиціями, ея безавѣтной храбростью и безконечной самоотверженностью; и мы убѣждены, что восстановленная національная Россія захочетъ и сможетъ потребовать къ отвѣту блудныхъ сыновъ своихъ и всѣхъ тѣхъ, за кого такъ обильно во время Міровой войны лилась русская кровь и кто теперь забылъ объ этомъ и коварно измѣнилъ намъ. И вѣримъ мы—справедливо разсудитъ она всѣхъ, возстановивъ ту высшую правду, которая исчезла въ мірѣ съ исчезновеніемъ Императорской Россіи.

„Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ“.

А. К. Баювъ.

Кино-артистка Фернъ Андра.

Испытаніе.

Разсказъ В. Джакобсъ.

Въ Пиблси было невыносимо скучно, и мистеръ Фредерикъ Диксъ, штурманъ съ судна „Морская Звѣзда“, отчаявшись найти въ этотъ вечеръ какое-либо развлеченіе, возвращался домой въ самомъ скверномъ настроеніи.

Немногочисленные магазины на Гай-Стритъ были закрыты, а въ тавернахъ врядли можно было получить что-нибудь интересное. Къ тому же таверны не привлекали теперь мистера Дикса: онъ все еще никакъ не могъ забыть лица владѣльца „Надежды Моряковъ“, который выставилъ его изъ ресторана за попытку развеселить присутствующихъ пѣснями и танцами.

Вся команда судна со шкиперомъ во главѣ не вернулась, и „Морская Звѣзда“ выглядѣла до того уныло, что штурманъ предпочелъ остаться на берегу.

Глубоко запусивъ руки въ карманы, онъ сталъ прогуливаться вдоль набережной.

Уже было очень темно, но все же мистеру Диксу удалось разглядѣть какого-то человѣка, который стоялъ у самаго края набережной и упорно глядѣлъ на воду.

Въ такой позѣ онъ стоялъ такъ долго, что невольно затронулъ любопытство штурмана. Тотъ, пройдя два раза мимо него, рискнулъ подойти совсѣмъ близко и сдѣлать какое-то незначительное замѣчаніе относительно красоты ночи.

— Самая обыкновенная ночь! — мрачно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Вы слишкомъ близко подошли къ краю! — послѣ нѣкоторой паузы произнесъ штурманъ.

— Мнѣ нравится такъ стоять! — послѣдовалъ отвѣтъ.

Мистеръ Диксъ тихонько засвистѣлъ, безцеремонно взглянулъ на стоящаго предъ нимъ высокаго, блѣднаго юношу, затѣмъ приподнялъ картузь и почесалъ затылокъ.

— А не надумали-ли вы чего-нибудь такого? — спросилъ онъ.

Молодой человѣкъ что-то буркнулъ въ отвѣтъ и отвернулся, а штурманъ, утвердившись въ своемъ предположеніи, тихонько

схватилъ его за рукавъ и отвелъ отъ края набережной.

Участіе въ бѣдѣ порождаетъ довѣріе, и не болѣе, чѣмъ черезъ десять минутъ, штурманъ уже зналъ, что Артуръ Хирдъ, отвергнутый Эммой Смисъ, задумалъ топиться.

— Подумайте только, вѣдь, я знакомъ съ ней цѣлыхъ семь лѣтъ! — сказалъ Артуръ Хирдъ. — И вотъ послѣ семи лѣтъ знакомства такой конецъ!

Штурманъ сочувственно покачалъ головой.

— Я такъ и сказалъ ей, что иду прямо къ рѣкѣ! — продолжалъ мистеръ Хирдъ. — Мои послѣднія слова къ ней были: „Вы повѣрите мнѣ и — раскаетесь, когда увидите мой посинѣвшій и вздутый трупъ“!

— Я думаю, что ваша смерть очень огорчитъ бѣдную дѣвушку! — въжливю произнесъ штурманъ.

Молодой человѣкъ круто повернулся:

— Послушайте! Вы, кажется, предполагаете, что я на самомъ дѣлѣ рѣшилъ топиться? Знайте же, что ни за что на свѣтѣ я не сдѣлалъ бы этого даже для пятидесяти красавицъ! Вотъ еще!

— Но, если такъ, зачѣмъ же вы пришли сюда? — спросилъ озабоченный штурманъ.

— Я полагалъ, что мои слова разстроятъ ее, и она мнѣ уступитъ! — съ горечью отвѣтилъ мистеръ Хирдъ. — До сихъ поръ она всегда смѣялась надъ моими словами и нисколько не вѣрила мнѣ.

— А знаете, мистеръ, вамъ слѣдовало бы ее проучить и на самомъ дѣлѣ утопиться! — простодушно произнесъ штурманъ. — Это на нее здорово подѣйствовало бы и, пожалуй, испортило бы всю жизнь!

— Надо думать, что это и мою жизнь нѣсколько испортило бы! — съ ядовитымъ сарказмомъ произнесъ Хирдъ.

— А теперь что? — размышлялъ вслухъ штурманъ. — Теперь она еще больше посмѣется надъ вами, когда увидитъ васъ живымъ! Смотрите, она еще разнесетъ о васъ по всему городу. Она что, изъ болтливыхъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдовалъ самый утвердительный. Временно, совершен-

но забывъ про свою пылкую страсть, Хирдъ сталъ отзываться о миссъ Смисъ въ самыхъ неелестныхъ выраженіяхъ и открыто назвалъ ее сплетницей.

Штурманъ, разочарованный такой неожиданной развязкой, задумчиво посмотрѣлъ на Хирда.

— А почему бы вамъ не сдѣлать этого только для виду, — только для виду! — началъ онъ тономъ прелестной обольстительницы. — Войти въ воду, сейчасъ же выйти и промокшимъ насквозь явиться къ возлюбленной!.. А, какъ вы думаете?

— Удивительно остроумно! — злобно отозвался тотъ. — Рѣшиться на самоубійство и вдругъ испугаться! Да, вѣдь, я, дѣйствительно, на всю жизнь сталъ бы посмѣшищемъ въ ея глазахъ... Ну, нѣтъ, знаете... Отстаньте, пожалуйста, съ вашими проектами!

— Ну-съ, а допустимъ, что я противъ вашей воли спасу васъ? — едва дыша, сказалъ искушитель. — Тогда что?

— Это было бы прекрасно, если бы у меня была малѣйшая охота рисковать своей жизнью. Но охоты нѣтъ никакой, — поняли вы или нѣтъ? Пока вы тамъ станете искать меня надъ водой, я могу захлебнуться подъ водой. Нѣтъ! Слуга покорный!

— Но я вовсе и не думаю искать васъ! — поспѣшно заявилъ штурманъ. — Въ моемъ тепломъ платьѣ это была бы слишкомъ опасная штука. Я просто имѣлъ въ виду, стоя на берегу, вытащить васъ изъ воды.

Мистеръ Хирдъ взглянулъ на черную воду, которая находилась на разстояніи двадцати футовъ отъ него.

— Какъ? — коротко спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не здѣсь! — дѣловито отвѣтилъ штурманъ. — Намъ придется пойти къ концу набережной. Здѣсь слишкомъ высоко, а тамъ берегъ отлогій и доходитъ до самой воды. Къ тому же, тамъ очень мелко. А миссъ Эммъ вы скажете, что бросились въ воду отсюда... Ей, вѣдь, все равно, — лишь бы вы были въ водѣ.

Съ энтузіазмомъ, который мистеръ Хирдъ раздѣлялъ въ самой незначительной степени, штурманъ повелъ его къ указанному мѣсту. Придя въ еще большій восторгъ отъ красоты мѣстоположенія, онъ усиленно сталъ предлагать молодому человѣку немедленно же предѣлать спасительное „самоубійство“.

— Ночь удивительно благопріятствуетъ вашимъ планамъ! — весело произнесъ онъ. — Знаете, меня самого подмываетъ окунуться.

Мистеръ Хирдъ что-то буркнулъ подъ носъ, а затѣмъ рукой попробовалъ температуру воды. Послѣ того онъ неторопливо занесъ одну ногу. Тутъ имъ овладѣла внезапная рѣшимость, и онъ бросился въ воду, гдѣ пробылъ не больше двухъ-трехъ секундъ.

— Ну, знаете, такъ нельзя! — оживленно воскликнулъ штурманъ — Каждое дѣло нужно выполнить основательно... Вѣдь, вы недостаточно намочили! А ну-ка, еще разъ окунитесь... Да не бойтесь.. Какъ вамъ не стыдно!

Мистеръ Хирдъ снова нырнулъ и затѣмъ, спотыкаясь, тяжело дыша и фыркая во всѣ стороны, направился къ берегу.

— Да вытаскивайте же меня! — громко закричалъ онъ.

Мистеръ Диксъ, снисходительно улыбаясь, протянулъ ему руки, которыя тотъ схватилъ съ необыкновенной горячностью.

— Послушайте! Да вы полегче немножко... Вы, очевидно, совершенно забыли, что между нами разстояніе въ четыре фута... Легче же, говорю я вамъ!.. Да что это съ вами?

— Какъ же это вы можете спасти меня противъ моей воли, оставаясь при этомъ на сушѣ? — заявилъ мистеръ Хирдъ. — Нѣтъ, вамъ необходимо доказать, что вы, дѣйствительно, прыгнули за мной въ воду... Будьте ужъ настоящимъ героемъ.

Штурманъ былъ вѣсомъ нѣсколько легче мистера Хирда, — къ тому же онъ стоялъ на скользкомъ, отлогомъ берегу. Однимъ словомъ, черезъ минуту нѣсколько круговъ на водѣ отмѣтили то мѣсто, на которомъ исчезли оба тѣла.

Мистеръ Хирдъ показался раньше на поверхности воды. Штурманъ же полетѣлъ въ воду съ открытымъ ртомъ и чуть-чуть не захлебнулся. Вынырнувъ на поверхность, онъ сталъ кашлять, плевать и фыркать и съ превеликимъ трудомъ поплылъ къ берегу.

— Ну, постойте-жъ! — завопилъ онъ. — Ужъ я вамъ покажу, — дайте мнѣ только добраться до васъ.

— Надѣюсь, что вы не пострадали? — съ безпокойствомъ осведомился мистеръ Хирдъ. — Не волнуйтесь напрасно. Зато я теперь все вамъ расскажу о вашей замѣчательной храбрости... Да не волнуйтесь же изъ-за такихъ пустяковъ... Стоить-ли?

Мистеръ Диксъ сжалъ кулаки, но при видѣ жалкой, насквозь промокшей фигуры мистера Хирда, онъ вдругъ разразился безудержнымъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Ну, другъ сердечный, идемъ представляться!—сказаль онъ, хлопнувъ его по плечу.—Если ужъ теперь Эмма не влюбится въ васъ, значить, конечно дѣло навсегда: никогда не влюбится... Ну, братъ, и видъ же у тебя!

Онъ пошелъ впередъ, а мистеръ Хирдъ, широко разставляя ноги и растопыривъ руки, поплелся за нимъ.

Они молча шли по набережной и почти достигли конца ея, какъ вдругъ отъ стѣны какого-то дома отдѣлилась фигура и тяжелой походкой направилась къ нимъ.

— Старый Смисъ!—торопливымъ шопотомъ произнесъ мистеръ Хирдъ. — Будьте осторожны... Возьмите меня крѣпче за рукавъ.

Смисъ повернулъ было въ боковую улочку, но вдругъ, пораженный, остановился: на лица „утопленника“ и „спасителя“ упалъ свѣтъ уличнаго фонаря.

— Артуръ!—воскликнулъ онъ.

— Что такое?—мрачно и бессильно произнесъ тотъ.

— Какъ это вамъ на умъ взбрело!—строго сказалъ мистеръ Смисъ.—Эмма мнѣ передавала о вашемъ намѣреніи, но я никогда не подумаль бы, что вы способны на такую глупость... Я, право, удивляюсь вамъ... Взрослый человѣкъ...

— Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось выполнить свое намѣреніе!—такъ же мрачно произнесъ мистеръ Хирдъ.—Даже утопиться не дадутъ спокойно... Каждый встрѣчный и поперечный имѣеть право спасти тебя. А откуда, спрашиваю я, права эти? Откуда?

Мистеръ Смисъ оглянулся на штурмана, — вдругъ все лицо его просіяло, и съ сердечной улыбкой онъ пожалъ обѣ честныя, благородныя руки спасителя.

— Идемте ко мнѣ, — сказалъ онъ съ большой теплотой.—Вамъ обоемъ необходимо сейчасъ же перемѣнить бѣлье.

Онъ сталъ между мистеромъ Хирдомъ и штурманомъ и, схвативъ обоихъ за шиворотъ, повелъ къ своему дому. Штурманъ началъ бормотать что-то о позднемъ времени и необходимости тотчасъ же вернуться на корабль, — но мистеръ Смисъ, не обращая никакого вниманія на эти слова, подталкивалъ своихъ плѣнниковъ впередъ.

Когда это интересное тріо переступило порогъ прелестнаго коттеджа, навстрѣчу выбѣжали очень миловидная дама и хорошенькая двадцатилѣтняя дѣвушка.

Слухъ мистера Хирда пріятно пощекоталь испуганный крикъ миссъ Эммы.

Кино-артистка Эрна Морена.

— Вотъ вамъ самоубійца!—торжественно заораль мистеръ Смисъ.—Едва-едва удалось спасти въ послѣднюю минуту... Съ трудомъ откачали...

— Какъ?! Цѣлыхъ двое?!—не безъ гордости вскричала миссъ Эмма.

При этомъ она ласково взглянула на молодцеватаго штурмана.

— Ну, нѣтъ!—сказаль ея отецъ.—Утопаль Артуръ, а вотъ этотъ господинъ бросился въ воду и послѣ долгихъ усилій спасъ его...

— Ахъ, Артуръ!—укоризненно произнесла дѣвушка.—Какъ же вамъ на самомъ дѣлѣ не стыдно! Вы просто жестокой человѣкъ! Никогда бы я не подумала, что вы способны на такую вещь... Ну, вотъ видите теперь, какой вы скверный!

Мистеръ Хирдъ глупо улыбался и молчалъ.

— Но я предупреждалъ васъ, что сдѣлаю это!—сказаль онъ наконецъ.

— Однако, господа, чего вы стоите здѣсь?—спросила мистриссъ Смисъ, иско-са поглядывая на лужу среди ковра.—Другъ мой,—обратилась она къ мужу,—возьми ихъ наверхъ и дай имъ переодѣться. Вѣдь, этакъ, они на смерть простудятся. А я пока-что прикажу дать виски.

— Ромъ лучше! — сказалъ мистеръ Смисъ, и повелъ гостей по узенькой лѣстницѣ наверхъ.—Пошли Джо за ромомъ, и пусть онъ принесетъ его намъ, наверхъ... Да скорѣй... Не забудь еще послать три стака-на...

Джо былъ посланъ въ трактиръ за ромомъ... Группа любопытныхъ сосѣдей, желая разузнать подробности, проводила его до трактира и обратно, а затѣмъ остановилась у порога полуоткрытой двери, выпялила глаза на миссъ Эмму и стала вслухъ обмѣниваться впечатлѣніями.

Ромъ и энергичная помощь мистера Сми-са возмѣли свое дѣйствіе, и гости оставались наверху очень недолго. Переодѣвшись, они снова спустились въ гостиную.

Мистеръ Хирдъ старался изобразить на лицѣ самый безнадежный, меланхолическій видъ. А штурманъ, желая хоть какъ-нибудь скрыть смущеніе, съ громаднымъ, дѣлан-нымъ интересомъ разсматривалъ костюмъ, въ который легко могли влѣзть три такихъ субъекта, какъ онъ.

— Да!—съ выраженіемъ произнесъ мистеръ Смисъ.—Оба были, что называется, на волосокъ отъ смерти. — Молодой человекъ рассказываетъ, что Артуръ кусался и отбивался, какъ сумасшедшій... Во что бы то ни стало хотѣлъ умереть... Подумайте только, какой отчаянный... Нелегкое дѣло справиться съ такимъ упрямцемъ...

— Да, право же, тутъ ничего особеннаго нѣтъ!—почти неслышнымъ голосомъ произнесъ штурманъ, чувствуя на себѣ восторженный взглядъ миссъ Смисъ.—Ну, самое обыкновенное дѣло.. Всѣ храбрые люди таковы... Да и всѣ англичане таковы. Эта-то черта и сдѣлала насъ великой націей. Какъ же!

— Онъ, видно, не зналъ, кого спасалъ!—послышался за дверью ехидный голосъ.

— И вовсе я не хотѣлъ, чтобы онъ меня спасалъ! — въ сердцахъ сказалъ мистеръ Хирдъ и обратился къ штурману.—Ну, кто васъ просилъ спасать меня? Чего вы сунулись не въ свое дѣло? Чего?

— Чего кричать?—послышался тотъ же ехидный голосъ.—Вѣдь, вода-то не убѣжа-

ла. Всегда на мѣстѣ... И всегда можно опять утопиться,—да удачнѣе.

Мистеръ Хирдъ нахмурился и злобно посмотрѣлъ на говорящаго.

— Нѣтъ?—воскликнула миссъ Эмма.— Вы должны намъ рассказать все и по порядку: какъ и что было?

Съ каждой минутой она все ласковѣе смотрѣла на смущеннаго штурмана.

— Вы видѣли собственными глазами, какъ онъ бросился въ рѣку?

Мистеръ Диксъ повелъ глазами и взглядомъ попросилъ помощи у мистера Хирда.

— Не...е... совсѣмъ...—замаялся онъ. — Но почти, что совсѣмъ... Дѣло, видите-ли, было такъ... Гуляю это я по набережной... думалъ уже, было, отправиться на шхуну, какъ вдругъ слышу,—кто-то страшнымъ голосомъ зоветъ на помощь... „Помогите“...

— И неправда! — зарычалъ мистеръ Хирдъ.

— Ну, можетъ быть, и неправда!—произнесъ нѣсколько огорошенный штурманъ.— Но что-то похожее на это...

— Наплевать мнѣ на то, на что оно было похоже... Во всякомъ случаѣ, „помогите“ я не кричалъ... Я закричалъ, какъ кричить всякій человекъ въ свою послѣднюю минуту... Я не просилъ васъ спасти меня...

— Можетъ быть, онъ крикнулъ „Эмма!“—сказалъ голосъ за дверью.

— Можетъ быть, и такъ! — согласился штурманъ.— Трудно такъ сказать... Вотъ, значить, я, какъ услышалъ голосъ, сейчасъ же подбѣжалъ къ краю набережной и взглянулъ внизъ, на воду. Ничего не видно... Потомъ мнѣ показалось, будто собака тонетъ. Но сейчасъ же я подумалъ, что собака не можетъ кричать „помогите!“...

— „Эмма!“—поправилъ мистеръ Хирдъ.

— „Эмма!“ — поправился штурманъ. — Тутъ я всплеснулъ руками и бросился внизъ... Вынырнувъ, я пустился къ нему... Да не тутъ-то было! Понимаете, какая исторія... Я хочу схватить его сзади, а онъ, какъ обернется, да какъ бросится на меня! Обнялъ меня,—ну, точно, я былъ...

— Эммой!—подсказалъ тотъ же голосъ за дверью.

Миссъ Эмма величественно поднялась со своего мѣста и съ должнымъ достоинствомъ спросила:

— А васъ, Джорджъ Гаррисъ, кто приглашалъ къ намъ?

— Да такъ, что никто. Но я вижу, что дверь ваша открыта, и заглянулъ...

— Такъ вотъ если еще разъ заглянете...

Мистеръ Гarrisъ, не дожидаясь конца фразы, предусмотрительно ретировался.

— Какъ камни, пошли мы ко дну!—продолжалъ иллюстрировать штурманъ, когда миссъ Эмма сѣла на мѣсто и снова привѣтливо улыбнулась ему.

— Трудно помнить, сколько разъ мы ныряли. Чуть-чуть я его схвачу, а онъ, какъ окаянный, вырывается. Наконецъ, я, какъ слѣдуетъ, вѣспился въ него и вытащилъ на берегъ.

— А вы знаете, что онъ могъ утопить васъ,—сказала миссъ Эмма, строго взглянувъ на своего несчастнаго поклонника.—Я такъ думаю, что онъ просто нечаянно свалился въ рѣку. Это скорѣе похоже на него

— Ну, довольно, Эмма. Слава Богу, что все сошло благополучно!—воскликнулъ мистеръ Смисъ.—А этому молодому человѣку я непременно выхлопочу медаль за спасеніе утопающаго.

— Ужъ не безпокойтесь! — добавила Эмма.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ,—торопливо произнесъ штурманъ,—я ни за что не возьму ее. Такъ и знайте, что не возьму. Я и думать не хочу объ этомъ.

— Ну это уже ваше дѣло брать ее или не брать! — отвѣтилъ мистеръ Смисъ.—А мое дѣло заявить полиціи.

— Да поймите же, что я не могу взять ее!—съ ужасомъ воскликнулъ штурманъ.—Вѣдь она, она... впрочемъ, объ этомъ лучше будемъ молчать.—Онъ добавилъ поспѣшно.—Иначе мистера Хирда засадятъ въ тюрьму за покушеніе на самоубійство.

— Такъ ему и слѣдуетъ!—снова произнесъ чей-то голосъ за дверью.—Подѣломъ!

— А я такъ согласенъ скорѣй потерять 50 медалей, чѣмъ допустить мистера Хирда въ тюрьму.

Ропотъ одобренія встрѣтилъ великодушное заявленіе мистера Дикса. Мистера Хирда неприятно поразило то, что громче всѣхъ звучалъ голосъ миссъ Смисъ, которая все время не переставала обмѣниваться нѣжными взглядами съ отважнымъ спасителемъ.

Миссъ Смисъ, почувствавъ на себѣ упорный взглядъ своего поклонника, повернулась къ нему:

— А знаете, Артуръ, вы могли бы сказать, что нечаянно свалились въ воду, и тогда вашъ спаситель получилъ бы медаль!—мягко сказала она.

— Сказать! — крикнулъ вышедшій изъ терпѣнія мистеръ Хирдъ.—Сказать, что я сва...

Онъ не находилъ уже больше словъ для выраженія.

Черезъ минуту онъ поднялся, закачался, въ продолженіе минуты обводилъ блуждающими взорами все общество, затѣмъ распахнулъ дверь и захлопнулъ ее за собой съ такою силой, что задрожалъ весь домъ.

Спустя полчаса, въ сопровожденіи всей семьи Смисъ, послѣдовалъ за нимъ штурманъ. Возбуждаемый тѣми же нѣжными взглядами миссъ Смисъ, онъ уже подробно, съ массой деталей и безъ запинки рассказывалъ о случившемся. Когда мистеръ Смисъ съ такими же подробностями передавалъ обстоятельства дѣла капитану „Морской Звѣзды“, штурманъ, не дрогнувъ бровью, выслушалъ повѣствованіе о своемъ героическомъ поступкѣ.

Вѣсть о томъ же поступкѣ на слѣдующій день распространилась по всему городу. Большинство согражданъ мистера Хирда прекрасно понимали романическую подкладку этого дѣла и вполне одобряли мистера Дикса, отказывающагося отъ медали.

Штурманъ воистину сдѣлался героемъ дня. О его поступкѣ говорили всюду; слѣдомъ за нимъ ходили толпы мальчишекъ и указывали на него пальцемъ.

* * *

„Морская Звѣзда“ на три недѣли ушла въ море.

Маленькій городокъ уже не казался мистеру Диксу такимъ скучнымъ, какъ прежде. Эмма Смисъ съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія корабля, и штурманъ какъ будто чувствовалъ это. Его невыносимо тянуло въ Пельси.

Наконецъ, корабль вошелъ въ гавань.

Удивительно гладко и хорошо прошли первые дни. Затѣмъ, словно черная тѣнь, на пути молодыхъ людей всталъ мистеръ Артуръ Хирдъ. Казалось, тѣнь эта сторожила ихъ на набережной, висѣла надъ домомъ, преслѣдовала въ саду и появлялась совершенно неожиданно въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ.

Однажды вечеромъ, когда штурманъ, сойдя съ корабля, направился къ коттеджу Смисовъ, за нимъ, молча, послѣдовалъ мистеръ Хирдъ.

— Добрый вечеръ!—сказалъ штурманъ, которому стало, наконецъ, невмоготу.

— Добрый вечеръ,—деревяннымъ голосомъ произнесъ мистеръ Хирдъ.—Къ Эммѣ идете?

— Иду навѣстить миссъ Смишь,— съ выраженіемъ произнесъ штурманъ.

Мистеръ Хирдъ засмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ.

Однако, мы совершенно не понимаемъ, почему вы преслѣдуете насъ,— сказалъ рѣзко мистеръ Диксъ.— Въ концѣ-концовъ это мнѣ надобно. Если хотите знать всю правду, такъ вотъ вамъ: вы никогда не правились, не правитесь и не поправитесь миссъ Смишь. Она мнѣ сама это говорила.

— Хорошо,— произнесъ мистеръ Хирдъ.— Больше я васъ преслѣдовать не стану. Но имѣйте въ виду, мистеръ Диксъ, что сегодня вашъ послѣдній вечеръ. Такъ что, хе, хе, постарайтесь хорошенько воспользоваться имъ.

Онъ повернулся на каблукахъ и ушелъ. А штурманъ, взвѣсивъ и понявъ его послѣднія слова, задумчиво побрелъ дальше. Въ пріятномъ обществѣ миссъ Смишь у него совершенно вышла изъ головы встрѣча съ мистеромъ Хирдомъ. Онъ вспомнилъ объ этомъ лишь въ 9 часовъ вечера, когда раздался стукъ въ дверь и на порогѣ дома Смишовъ, съ кислой физиономіей, появился мистеръ Артуръ Хирдъ.

— Добрый вечеръ,— произнесъ вошедшій.

— Добрый вечеръ, Артуръ,— привѣтливо отвѣтилъ мистеръ Смишь.

Мистеръ Хирдъ съ меланхолическимъ видомъ вошелъ въ комнату, неторопливо закрылъ за собою дверь, слегка кашлянулъ и покачалъ головой.

— Что-нибудь случилось? — спросилъ мистеръ Смишь, нѣсколько удивленный такимъ нѣмымъ предисловіемъ.

— Да-съ,— медленно произнесъ мистеръ Хирдъ, бросая сатанинскій взглядъ на штурмана.— Что-то случилось, да ужъ очень давно. Я пришелъ заявить вамъ, что обманулъ васъ.

— Ну, Артуръ, это всегда за вами водилось! — воскликнула миссъ Смишь.— Вы всегда любили лгать. Я помню еще...

— Мы оба обманули васъ,— громко и настойчиво прервалъ ее мистеръ Хирдъ.— Долженъ заявить вамъ, что я не бросался въ воду, а мистеръ Фредъ Диксъ не спасалъ меня. Мы просто, по общему соглашенію, дошли до конца гавани, влѣзли въ воду и намокли.

За этимъ признаніемъ послѣдовала минута гробового молчанія. Всѣ глаза обратились на штурмана, который, съ присушей

ему храбростью, выдержалъ испытующіе взгляды.

— Да,— сказалъ онъ съ непринужденнымъ смѣхомъ,— за мной всегда водится привычка для перваго встрѣчнаго сходить въ воду и портить свое бѣлье и платье. Просто удовольствія ради.

— Стыдись, Артуръ!— укоризненно и съ глубокимъ вздохомъ облегченія сказалъ мистеръ Смишь.

— Стыдись, Артуръ, вотъ, видишь, какой ты,— сказала миссъ Смишь.

— Очевидно, мистеръ Артуръ только что проснулся!— съ тою же улыбкой продолжалъ штурманъ.— Во снѣ все легко забывается. Ну, что-жъ! Въ слѣдующій разъ пусть самъ выбирается изъ воды.

Мистеръ Хирдъ повышеннымъ голосомъ началъ свое покаянное признаніе, но напрасно! Его почти никто не слушалъ. Мистеръ Смишь даже рѣзко выразилъ свое недовольство. А мистриссъ Смишь привела изъ прошлаго нѣсколько примѣровъ, которые подтверждали всю лживость природы молодого человѣка. Въ это самое время миссъ Смишь не переставала гладить руку штурмана.

— Нѣтъ, знаете, мистеръ Хирдъ, ваше дѣло слабо!— съ насмѣшливой улыбкой произнесъ штурманъ.— Вамъ не мѣшало бы выдумать что-нибудь поостроумнѣе.

— Прекрасно!— отвѣтилъ мистеръ Хирдъ болѣе спокойнымъ тономъ.— Вотъ я придумалъ! Я предлагаю всѣмъ намъ отправиться въ гавань, гдѣ господинъ штурманъ прыгнетъ въ воду съ того самаго мѣста, на которое указываетъ. Вотъ мы и увидимъ, кто говорить правду.

— Увидимъ,— увѣренно сказалъ мистеръ Смишь.— Онъ не побоялся!

Мистеръ Диксъ колебался не больше одной миллионной секунды; затѣмъ, съ героическимъ взглядомъ на миссъ Смишь, вскопчилъ съ мѣста и принялъ вызовъ. Мистриссъ Смишь поспѣшно рассказала какой-то злословный анекдотъ про тетку мистера Хирда, мимоходомъ коснувшись лживости всей семьи Хирдовъ и въ смутной надеждѣ разубѣдить дочь совѣтовала ей быть болѣе благоразумной; но та съ гордымъ довѣріемъ посмотрѣла на штурмана, взяла его подъ руку, попросила мать приготовить сухое бѣлье, и вмѣстѣ со всѣми пошла къ гавани.

Стояла прекрасная, но темная ночь. Съ моря дулъ довольно рѣзкій вѣтеръ. Раза два-три злополучный штурманъ подумывалъ о бѣгствѣ, но взглядъ миссъ Смишь и нѣжное, ласковое прикосновеніе ея руки устыдили его.

Быль часъ отлива, и штурманъ смутно надѣялся на то, что сумѣетъ продержаться на поверхности воды, а затѣмъ благополучно вернуться на берегъ. Стараясь отвлечь свое вниманіе отъ предстоящаго эксперимента, онъ говорилъ безъ умолку.

Пришли на мѣсто. Миссъ Смиль, взглянувъ въ мракъ ночи, вдругъ задрожала.

— Осторожнѣй, Фредъ, — сказала она, положивъ свою руку въ руку штурмана.

Штурманъ какъ-то странно взглянулъ на нее.

— Не беспокойтесь, — весело сказалъ онъ. — Не успѣю я войти въ воду, какъ ужъ выйду. А вы пойдите пока домой и приготовьте мнѣ бѣлье.

У штурмана былъ такой увѣренный тонъ и естественный смѣхъ, что мистеръ Хирдъ почувствовалъ, что нѣсколько обезцѣнилъ плавательныя способности своего врага.

— Конечно! — огрызнулся онъ, — одно дѣло прыгнуть въ воду и сейчасъ же выйти, — а другое дѣло спасать утопающаго! Да, знаете, героевъ всякій разыграть можетъ.

Штурмана осыбила гениальная мысль. Увидѣвъ случай улизнуть, онъ задрожалъ отъ радости.

— Ну, знаете, на васъ не угодишь, — сказалъ онъ медленно. — Я ужъ знаю заранее... Все равно: войду я въ воду или не войду, вы не сознаетесь въ своей лжи.

— Мы заставимъ его сознаться, — воскликнулъ мистеръ Смиль, который вовсе не намѣренъ былъ лишить себя пріятнаго и остраго развлечения. — Пусть попробуетъ отпираться! Мы ему покажемъ!

— А вотъ увидите, — сказалъ штурманъ. — Уже я такихъ господъ достаточно знаю. — А знаете что? — онъ вдругъ любовно положилъ руку на плечо старика. — У меня вотъ какая мысль.

— Какая? — спросилъ заинтересованный мистеръ Смиль.

— Я васъ спасу! — съ улыбкой облегченія произнесъ штурманъ.

— Меня! — воскликнулъ огорошенный мистеръ Смиль.

— Какъ?! — въ то же время вскричала миссъ Смиль.

— Да очень просто! — отвѣтилъ штурманъ, покачивая головой. — Я спасу васъ, какъ спасъ его. Вы прыгнете въ воду, нырнете раза два-три, а я брошусь за вами и спасу васъ. Ужъ будьте покойны, я приложу всѣ старанія. Одно обещаю вамъ: безъ васъ я не вернусь.

Мистеръ Смиль торопливо освободился

изъ ласковыхъ объятій штурмана и на нѣсколько шаговъ отошелъ отъ берега.

— Скажите, пожалуйста, вы никогда не были въ сумасшедшемъ домѣ? — самымъ серьезнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Въ сумасшедшемъ домѣ?! — переспросилъ тотъ. — Нѣтъ, пока не поиходилось.

— Ну и я не былъ! — сказалъ мистеръ Смиль. — Въ сумасшедшемъ домѣ не былъ, а въ воду не полѣзу.

Онъ глубоко вздохнулъ и отступилъ еще дальше.

Миссъ Эмма подошла къ штурману и со сдержаннымъ смѣхомъ горячо пожала его руку.

— Что же дѣлать! — со вздохомъ произнесъ штурманъ. — Придется опять Артуру!

— Мнѣ! — воскликнулъ удивленный мистеръ Хирдъ.

— Конечно, вамъ, — съ убѣжденіемъ воскликнулъ штурманъ. — Послѣ того, что вы сейчасъ сказали, я заявляю вамъ въ отвѣтъ, что не уйду отсюда до тѣхъ поръ, пока не спасу кого-нибудь. Иначе нѣтъ смысла въ воду бросаться. Ну, пошевеливайтесь. Васъ ждутъ!

— А, знаете, Артуръ, — безстрастнымъ голосомъ произнесъ мистеръ Смиль. — Мистеръ Диксъ совершенно правъ.

— Да, вѣдь, я говорилъ вамъ, что онъ не умѣетъ плавать! — протестовалъ мистеръ Хирдъ. — То есть, онъ совсѣмъ плохо плаваетъ. А въ прошлый разъ онъ и не думалъ плавать... Все выдумалъ.

Для отправляющихся въ
Южную Америку.

Собираясь издать

португальско-русскій

разговорный самоучитель, если найдется достаточно нуждающихся въ немъ, прошу лицъ, желающихъ приобрести его, сообщить объ этомъ письменно или по телефону по адресу конторы журнала S. Juhkentali t. 2, телеф. 25-11, сотруднику Мелехину. Цѣна — въ зависимости отъ количества заявленій.

— Выдумалъ или не выдумалъ,—мы увидимъ. А съ васъ пока требуется, что бы вы прыгнули въ воду. А я ужъ спасу васъ такъ, какъ спасъ раньше. Мнѣ не привыкать спасать!

— Да ну же, Артуръ, скорѣе,—подбодрялъ мистеръ Смисъ.—Вода, вѣдь, не очень холодная.

— Да помилуйте-жь,—съ жаромъ протестовалъ мистеръ Хирдъ,—я ясно говорю вамъ, что онъ не умѣетъ плавать... Я утону на вашихъ же глазахъ.

— Вздорь!—сказалъ мистеръ Смисъ.— Ты просто трусишь.

— Не трушу вовсе, а не хочу утонуть.

Вотъ увѣрю васъ, что онъ не прыгнулъ бы за мной.

— Нѣтъ, прыгнулъ бы, — рѣшительно заявилъ мистеръ Смисъ и сильной рукой обхватилъ талию штурмана.—Какъ только вы броситесь въ воду, я тотчасъ же столкну его внизъ. Готовы?

Онъ ждалъ, не выпуская изъ объятий штурмана. Но мистеръ Хирдъ бросилъ уничтожающій взглядъ и, яростно выругавшись, ушелъ по направленію къ городу. Оглянувшись черезъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ, что старикъ выпустилъ изъ своихъ объятий штурмана, который принялъ въ свои объятія миссъ Эмму.

Похожденія моего кула Никиты Иваныча,

Изъ воспоминаній о быломъ С.-Петербургскаго купца Т. А. Рыбникова въ передачѣ В. Нѣмковскаго.

На скачкахъ.

Никита Иванычъ, по случаю лѣтней жары, три дня виномъ охлаждался.

— Не могу, кричу,—въ тверезомъ видѣ такого климата переносить. Отъ жары сколько разовъ печальные случаи случались. Очень легко взбѣситься можно.

Отъ этаго самаго и я съ нимъ пилъ, чтобы бѣшенствомъ не повредить здоровья.

На четвертыя сутки Никита Иванычъ сталъ манить меня на скачки.

— Сколько, кричу,—годовъ на свѣтѣ живу, а что такое есть скачки не знаю. Всякое безобразіе произошло, а до скачекъ еще не доходилъ.

Я ему на это въ отвѣтъ:

— Можетъ, Никита Иванычъ, для нашего коммерческаго званія такимъ дѣломъ заниматься не хорошо? Всякая публика туда допускается и насъ не почувствуютъ.

— Карахтера моевоного не знаешь, что-ли? Какъ-же это такъ не почувствуютъ... Кому угодно скулу сворочу.

Поѣхали.

Народу уйма.

Видимъ, подходятъ люди къ окошечкамъ да какіе-то билеты покупаютъ. Никита Иванычъ туда-же:

— Что сіе обозначаетъ?

— Тотализаторъ.

— На манеръ чего-же это будетъ?

— Игра. На которую лошадь билетъ возьмете и ежели эта лошадь придетъ впереди, то выиграете деньги.

— А много-ли выиграть можно?

— По расчету, сколько придется съ тѣхъ лошадей, которыя проиграютъ.

— А дорого-ли билетъ стоитъ?

— Десять рублей

— Давай пару.

— Какой номеръ прикажете?

— Для счастья любыя подавай... да глаза прикрой, что-бы, значить, безъ мащенничества.

— Вотъ на третій номеръ мало играютъ. На него можно много взять.

— Подавай третій!

Взяли мы билеты и пошли смотрѣть, какъ будутъ скачку дѣлать.

За народомъ, одначе, ничего не было видно.

Никита Иванычъ всталъ на стулъ но чуть не сверзился.

— Пойдемъ, кричу, къ рѣшеткѣ. тамъ крѣпче...

Пошли къ рѣшеткѣ.

У какого-то человѣка съ афишкой спрашиваемъ:

— А который будетъ нашъ третій номеръ?

— Вонъ онъ!

Видимъ, сидитъ на лошади какой-то стрикулистъ и на манеръ клоуна въ лоскутной кацавейкѣ.

Никита Иванычъ и говоритъ:

— Не будетъ прока, на актера наскочили. Это ужъ не человѣкъ, ежели на выходъ хорошаго платья не имѣеть...

Сталъ этотъ третій номеръ около насъ прохлаждаться. Подъ самымъ носомъ шажкомъ ходить.

Никита Иванычъ показалъ ему два билета и говоритъ:

— Эй ты, стрюцкій, какъ слѣдуетъ жарь, во всѣхъ лопатки, а не то я тебѣ шею накастыляю.

Стрюцкій улыбается.

— Да неча зубы скалить-то! Не такихъ, какъ ты, биваль, а тебя-то легкимъ манеромъ перешибу...

Прошло сколько-то минутъ и зазвонили. Лошади выстроились въ рядъ и понеслись.

Другіе номера тоже такіе-же стрикулисты. У всѣхъ замѣсто спиджаковъ бабьи кофты. Должно быть народъ бѣдный.

Интересно стало, кто кого обгонитъ, и поэтому мы съ Никитой Иванычемъ полѣзли на рѣшетку.

Какъ увидалъ Никита Иванычъ, что нашъ то стрикулистъ отдается назадъ, началъ кулакомъ грозить и ругаться. Всякія дамы, которыя возлѣ стояли, въ разныя стороны разошлись, потому-что къ куплиментамъ Никиты Иваныча не привычны.

А какъ съ нами лошади поровнялись, видимъ, что нашъ стрикулистъ жаритъ послѣднимъ. Взяла Никиту Иваныча досада. Спрыгнулъ онъ съ рѣшетки въ лошадиный кругъ да за третьимъ номеромъ и погнался.

Я, конечно дѣло, за Никитой Иванычемъ.

За нами сторожа...

А Никита Иванычъ бѣжитъ за лошадей, да нарываетъ ее за хвостъ поймать.

— Я тебѣ, кричитъ, — стрикулисту покажу, какъ надо ѣздить!

Лошади-то не уловилъ, а на какой-то барьеръ наткнулся и растянулся во весь ростъ.

Я за нимъ и тоже носомъ о землю.

Подхватили насъ сторожа да въ контору! Запротоколили и велѣли уходить по добру по здорову.

Вышли это мы изъ конторы, да мимо того окошка и идемъ, гдѣ намъ третій номеръ продали, Никита Иванычъ живымъ манеромъ вырвался отъ сторожей да къ продавцу этихъ самыхъ билетовъ и кинулся.

— Ты, гритъ, — такой-сякой, машиническій мнѣ билетъ продалъ! Твой третій номеръ все время позади бѣжалъ. Вотъ тебѣ за это!

И такъ звизданулъ продавца, что тотъ въ одинъ моментъ изъ окна пропалъ.

Насъ опять въ контору...

А на другой день, когда въ участкѣ проснулись, Никита Иванычъ слово далъ — никогда на скачки не ѣздить, потому что это такое безпокойное дѣло оказалось, что окромя участка пришлось передъ мировымъ отвѣчать.

Никита Иванычъ терпѣть не можетъ такихъ листократическихъ мѣстъ, гдѣ денегъ можешь измытарить сколько угодно, а въ ухо заѣхать нельзя никому.

Это значить безпокойства терпи, а удовольствія никакого.

Театръ и Кино.

„Пассажъ“.

— „Кенигсмаркъ“, драма въ 9 акт. по роману Пьера Бенуа, автора „Атлантиды“. „Замокъ привидѣній“, веселый американскій фарсъ съ участіемъ Гарольда Лойда. „Патэ-журналъ“.

„Рекордъ“.

— „Кожаные удары“. Кнокъ суть пухлингъ, въ 2 частяхъ. Фильма красивыхъ женщинъ и мужчинъ Нью-Йорка. „Съ фильмъ-камерой черезъ Эстонію“. 1-ая часть — „Ревельская гавань“.

„Казино“.

— „Тѣни“, драма любви и страданія въ 7 актахъ съ участіемъ красавицы Рутъ Вейнеръ, Г. Вангенгейма, Ф. Кортнера, Ф. ф. Альтена и др.

„Грандъ Марина“.

— На декабрь мѣсяцъ намѣчены къ постановкѣ рядъ выдающихся картинъ. Прежде всего выступитъ извѣстная нашей публики бэби Пегги. До сихъ поръ мы имѣли возможность видѣть ее въ комедіяхъ. Теперь же будетъ поставлена

впервые съ ея участіемъ драма въ 8 частяхъ подъ названіемъ „Любимица Нью-Йорка“ („The darling of New-York“). Въ отличіе отъ другихъ артистовъ дѣтей Пегги поражаетъ особенно дѣтской непосредственной игрой, въ которой совершенно отсутствуетъ насильственная дрессура. Никогда еще ребенокъ-артистъ не проникалъ такъ глубоко въ таинственныя дебри дѣтской души. Поэтому ея игру ставятъ выше игры другого юного артиста Джэки Когана.

Засимъ будутъ поставлены новѣйшія драмы: „Дочери XX вѣка“, „Великая страсть“ („Подъ сѣнью Минарета“), „Опасный возрастъ мужчинъ“, „Морякъ по неволѣ“ (съ уч. Гарольда Лойда) и гвоздь сезона лучшая картина „Десять заповѣдей“. Въ этой картинѣ изображаются эпизоды изъ Ветхаго Заветъа: страданія еврейскаго народа въ Египтѣ, дѣятельность пророковъ, бѣг-

ство, переходъ черезъ Красное море, законодательство на Синаѣ, отступленіе отъ закона и золотое тѣльцо. Параллельно изображается потрясающая трагедія челоуѣка въ современныхъ условіяхъ жизни, конфликты съ требованіемъ Ветхаго Заветъа, наконецъ спасеніе челоуѣка въ ученіи Христа.

Нѣсколько словъ изъ истории созданія этой фильмы: подготовительная работа по одной библейской части потребовала работу въ теченіи шести мѣсяцевъ цѣлаго штата представителей науки и искусства въ Палестинѣ и въ музеяхъ европейскихъ столицъ. Особо трудно была разрѣшима проблема прохожденія черезъ Красное море и гибель въ немъ египтянъ, лишь по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ удалась полностью эта часть: она одна поглотила столько же средствъ, сколько обошлась вся библейская часть.

Копилка курьезовъ.

Марсъ и мы.

Вотъ близится къ планетѣ нашей Марсъ,
И заведетъ земля съ нимъ разговоры.
У насъ наступитъ сразу жъ фарсъ,
А въ эмиграціи — партійные раздоры.
Никола Марковъ будетъ убѣждать,
Что съ Марксомъ знаться — зря.
Всѣмъ будетъ говорить, а, можетъ быть,
писать:
„Самодержавья нѣтъ. На марсѣ нѣтъ
царя“
Профессоръ Милюковъ, тотъ будетъ
остороженъ,
И будетъ увѣрять, что знаетъ точно онъ:
„Отъ монархистовъ Марсъ ужъ огоро-
женъ:
Республиканцевъ тамъ, навѣрно, ле-
гионъ“.
Черенскій скажетъ: „Ну, ужъ нѣтъ,
о всѣми Вами не согласенъ,
Послалъ намъ только Марсъ привѣтъ,
С.-Р. для Марса лишь прекрасенъ“.
А большевическій Наркомъ
Пленарное назначить засѣданье и
Рѣшитъ: „Марсъ — М.С.С.С.Р. — комъ,
И прочно тамъ коммуны зданье“.
А эмигрантъ, вообще, что не причемъ,
Тотъ думать будетъ: „Тамъ не густо“.
И спроситъ: „Долларъ вашъ по чемъ?“
Въ карманахъ вашихъ также пусто?“

Чѣмъ кончится же фарсъ?
А тѣмъ, что бѣдный Марсъ,
Увидѣвъ на землѣ такой кагалъ,
Промолвитъ: „Вотъ скандалъ!“
И скрывшись впоыхахъ,
Оставитъ всѣхъ насъ... въ дуракахъ.
В. Штейнъ.

Хвастунья.

— Какъ она любитъ хвастаться...
Ее переѣхалъ ломовикъ, а она всѣмъ
разсказываетъ, что автомобиль!

Политики.

— Какой это, Коля, народъ — шансы?
— Откуда ты это взяла?
— Прочла въ газетѣ: „Если вспых-
нетъ новая война, шансы на нашей
сторонѣ!“

Профессиональная привычка.

— Телефонистку спросили: „Какой
теперь годъ?“ Она отвѣтила:
— Девятнадцать — двадцать четыре.

Нашелся.

— Къ совершенно безумому юнцу
обращается барышня, желая уязвить его:
— А вамъ, Жоржъ, идутъ усы.
— Идутъ, идутъ, но только еще не
пришли.

Возвращение Тарзана.

Романъ Э. Бюроуза. Переводъ Э. М.
Продолженіе.

Тарзанъ наклонился, чтобы изслѣдовать почву. Онъ увидѣлъ, что большой кустъ былъ вырванъ съ корнемъ. Кромѣ того, онъ нашелъ и другіе слѣды.

„Здѣсь былъ Эль-адреа,—сказалъ онъ.—Впрочемъ, я по нѣкоторымъ признакамъ думаю, что его добыча ускользнула отъ него. Если лошади выиграла нѣкоторое разстояніе и добрались до открытаго мѣста, то они тамъ уже будутъ въ полной безопасности“.

Ничего не оставалось другого, какъ итти пѣшкомъ. Они направились по тропинкѣ, ведущей въ горы, разговаривая и останавливаясь иногда, чтобы прислушаться, нѣтъ ли за ними погони.

Стояла чудная, лунная ночь. Воздухъ былъ свѣжій и живительный. За ними разстилалось безконечное пространство пустыни, кое-гдѣ усѣянное оазисами, которые рѣзко выдѣлялись на фонѣ желтаго песка, какъ острова на песчаномъ морѣ. Впереди возвышались мрачныя и молчаливыя горы. Кровь Тарзана заиграла въ жилахъ. Вотъ гдѣ была настоящая жизнь. Онъ посмотрѣлъ на дѣвушку, идущую рядомъ съ нимъ, на эту дочь пустыни, шествующую по мертвой странѣ, бокъ-о-бокъ съ сыномъ джунглей. Онъ улыбнулся при этой мысли. Ему захотѣлось имѣть сестру—товарища, похожую на эту дѣвушку.

Они уже вступили въ предѣлы горнаго хребта и продвигались медленно, такъ какъ тропинка стала болѣе крутой и каменистой.

Нѣсколько минутъ они шли молча. Дѣвушка думала о томъ, успѣютъ ли они добраться до дуара ея отца раньше, чѣмъ ихъ настигнетъ погоня, Тарзанъ же желалъ, чтобы эта прогулка продолжалась вѣчно. Это было бы возможно, если бы дѣвушка была мужчиной. Ему хотѣлось имѣть друга, который любилъ бы дикую жизнь, въ пустынѣ такъ же, какъ онъ самъ, но большинство изъ знакомыхъ ему мужчинъ предпочитало безукоризненно чистое

бѣлье и клубы наготѣ и джунглямъ. Ему трудно было этому повѣрить, однако это было очевидно. Обойдя выдающуюся скалу, которую огибала тропинка, они должны были внезапно остановиться. Передъ ними, на самой серединѣ дороги стоялъ — Нума эль-адреа, черный левъ. Его зеленые глаза метали молніи; онъ обнажилъ клыки и сердито билъ себя хвостомъ по бокамъ. Наконецъ, онъ зарычалъ — ужаснымъ, наводящимъ трепетъ рычаніемъ голоднаго и сердитаго льва.

„Дай ножъ! — сказалъ Тарзанъ дѣвушкѣ, протягивая руку. Она сунула въ нее рукоятку ножа. Затѣмъ онъ быстро опередилъ дѣвушку и заслонилъ ее своимъ тѣломъ.“

„Бѣги какъ можно скорѣе обратно въ пустыню. Если ты услышишь мой зовъ, то знай, что все благополучно, и ты можешь возвращаться“.

„Это бесполезно,—сказала она покорно:—теперь намъ конецъ“.

„Дѣлай, что я говорю, — крикнулъ онъ.—Скорѣй! Онъ сейчасъ бросится“.

Дѣвушка отбѣжала на нѣсколько шаговъ и стала ожидать ужаснаго боя, свидѣтельницей, котораго ей предстояло быть.

Левъ медленно приближался къ Тарзану, опустивъ голову, какъ нападающій быкъ. Хвостъ его былъ вытянутъ и дрожалъ, какъ бы отъ сильнаго волненія.

Тарзанъ стоялъ наполовину пригнувшись къ землѣ, держа въ рукахъ длинный арабскій ножъ, который блестѣлъ при свѣтѣ луны. Позади него вырисовывалась напряженная, съ широко открытыми глазами, неподвижная, какъ статуя, тонкая фигура дѣвушки.

Она поражена была храбростью этого человѣка, который осмѣливается вступить въ бой съ „большоголовымъ властелиномъ“, вооруженный лишь жалкимъ ножомъ. Мужчина ея племени опустил бы съ молитвой на колѣни и далъ бы себя пожрать безъ сопротивленія. Конечно, по ея мнѣнію, въ обо-

ихъ случаяхъ результатъ могъ быть только одинъ — онъ былъ неизбѣженъ, но она не могла сдержать трепета восторга при взглядѣ на фигуру героя. Ни малѣйшей дрожи не было замѣтно въ гигантскомъ тѣлѣ. Тарзанъ стоялъ въ такой же угрожающей позѣ, какъ и самъ Эль-адреа.

Левъ былъ теперь совсѣмъ близко — всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ — онъ припалъ къ землѣ и съ оглушительнымъ ревомъ, прыгнулъ на Тарзана.

XI.

Джонъ Кольдуэнъ изъ Лондона.

Когда Нума, выпустивъ когти и широко, раскрывъ пасть съ оскаленными клыками бросился впередъ, онъ рассчитывалъ на вѣрную добычу. Люди, которыхъ онъ растерзалъ уже не менѣе двухъ десятковъ, казались ему неуклюжими, безпомощными и недостойными ни малѣйшаго уваженія.

Однако, на этотъ разъ судьба свела его съ существомъ такимъ же быстрымъ и ловкимъ, какъ и онъ самъ. Когда его грузное тѣло опустилось на то мѣсто, гдѣ стоялъ человѣкъ, послѣдняго уже тамъ не оказалось.

Невольная свидѣтельница этой картины, дѣвушка, была поражена той ловкостью, съ которой Тарзанъ не только увернулся отъ могучихъ лапъ льва, но, о Аллахъ!.. бросившись сзади, обвилъ своей желѣзной рукой его шею раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ повернуться, и острое лезвіе ножа погрузилось въ черно-бурый бокъ звѣря, пониже лѣваго плеча. Нума дѣлалъ бѣшенныя прыжки, ужасающе рыча отъ злобы и боли, но, несмотря на это, не могъ ни сбросить со своей спины, ни достать зубами или когтями Тарзана, продолжавшаго съ быстротой молніи наносить ему раны ножомъ. Вскорѣ Тарзанъ разжалъ руки и всталъ: царь пустыни былъ мертвъ... Но тутъ произошло нѣчто такое, что испугало арабку больше, чѣмъ встрѣча съ Эль-адреа:

Тарзанъ поставилъ ногу на трупъ своей жертвы и, поднявъ къ лунѣ лицо, издалъ самый ужасающій крикъ, который когда-либо доходилъ до ея слуха.

Дрожащая отъ страха дѣвушка рѣшила, что страшное напряженіе во время боя свело его съ ума.

Однако, когда Тарзанъ опустилъ свои взоры внизъ и увидѣлъ дѣвушку, на лицѣ его появилась нѣжная улыбка, вполне ее успокоившая.

„Что вы за существо?“ — спросила она. „Вы совершили неслыханный подвигъ. Я едва вѣрю, даже теперь, что одинъ человѣкъ, вооруженный только ножомъ, могъ побѣдить Эль-адреа. А этотъ нечеловѣческій крикъ, — къ чему онъ и что онъ означалъ?!“

„Когда я убиваю, — я очевидно звѣрю и забываю, что я цивилизованный человѣкъ!“ — пояснилъ Тарзанъ, краснѣя, т. к. ему всегда казалось, что женщина должна съ отвращеніемъ смотрѣть на существо, такъ близко стоящее къ звѣрямъ.

Затѣмъ они отправились въ дальнѣйшій путь. Къ восходу солнца они перевалили черезъ горный хребетъ и спустились опять въ пустыню. Вскорѣ на одномъ изъ оазисовъ они увидѣли убѣжавшихъ лошадей, мирно пощипавшихъ траву у небольшого ручья. Благодаря этой счастливой случайности, они около 9 часовъ прискакали къ дуару Кадуръ-Бенъ-Садена, не замѣтивъ признаковъ погони.

Исчезновеніе дѣвушки вызвала въ дуарѣ большое безпокойство. Недавно вернувшійся шейхъ былъ внѣ себя отъ горя, т. к. опасался, что ее снова похитили мародеры. Онъ уже собрался съ отрядомъ въ 50 человѣкъ ѣхать на поиски, какъ вдругъ Тарзанъ съ арабкой выѣхали въ дуаръ.

Радость его при видѣ дочери не имѣла границъ. Не меньше его радовало и то, что ей удалось освободить Тарзана, не такъ давно спасаго ей жизнь. Всевозможными знаками вниманія старался шейхъ доказать свою благодарность Тарзану за то, что онъ благополучно провелъ его дочь черезъ всѣ ночныя опасности. Когда же послѣдняя рассказала объ одержанной Тарзанамъ побѣдѣ надъ Эль-адреа, восторженная толпа арабовъ окружила его, всячески выражая ему свое восхищеніе. Этимъ подвигомъ онъ заслужилъ себѣ преклоненіе и уваженіе всего стана.

Шейхъ даже предложилъ принять его въ свое племя и Тарзана очень соблазняла мысль остаться навсегда съ этими сынами пустыни, которыхъ онъ пони-

малъ и которые понимали его. Не малую роль тутъ играла и его симпатія къ дѣвушкамъ. Будь она мужчиной, онъ не колебался бы: въ ея лицѣ онъ пріобрѣлъ бы такого друга, о которомъ давно мечталъ, съ которымъ онъ могъ бы вмѣстѣ ѣздить верхомъ, охотиться, обмѣниваться мыслями, дѣлить радость и горе, но т. к. она была женщиной, то ихъ все время будутъ стѣснять многія условности, которыя соблюдаются дикими племенами еще строже, чѣмъ ихъ культурными братьями. Въ добавокъ рано или поздно она должна будетъ выйти замужъ за одного изъ своихъ соплеменниковъ и это положитъ конецъ ихъ отношеніямъ и дружбѣ. Поэтому, погостивъ недѣлю, Тарзанъ, несмотря на усиленные просьбы шейха, рѣшилъ уѣхать, согласившись лишь на то, чтобы шейхъ со своимъ отрядомъ проводилъ его до Бу-Саады.

Когда они рано утромъ сѣли на лошадей, дѣвушка пришла проститься съ Тарзаномъ.

„До сихъ поръ я молилась о томъ, чтобы ты остался съ нами,—сказала она грустно, со слезами на глазахъ,—а теперь я буду молиться о твоёмъ возвращеніи“.

„Кто знаетъ, можетъ быть, я и вернусь“,—отвѣчалъ тронутый Тарзанъ и, крѣпко пожавъ на прощаніе руку дѣвушки, быстро послѣдовалъ за арабами.

Желая сохранить, по возможности, въ тайнѣ свое возвращеніе, Тарзанъ передъ вѣздомъ въ Бу-Сааду разстался съ шейхомъ съ тѣмъ, чтобы арабы одни вѣхали въ городъ и остановились въ малоизвѣстномъ туземномъ постояломъ дворѣ, куда попозднѣе долженъ былъ прибыть и Тарзанъ.

Такимъ образомъ, Тарзану удалось войдя въ городъ вечеромъ, добраться окольными путями незамѣченнымъ знакомыми до своей прежней гостиницы. Хозяинъ ея былъ крайне удивленъ, увидѣвъ его живымъ и невредимымъ. Обѣщавъ никому не говорить о его прибытіи, онъ пошелъ за полученными на имя Тарзана письмами, которыхъ оказалась цѣлая пачка.

Въ одномъ изъ нихъ было предписаніе отъ начальства оставить всѣ настоящія дѣла и поспѣшить въ Кэптаунъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Тамъ должны были ожидать его даль-

нѣйшіе инструкціи, которые будутъ переданы ему другимъ агентомъ. Фамилія и адресъ послѣдняго были приложены къ письму. Тарзанъ принялъ мѣры къ тому, чтобы выѣхать изъ Бу-Саады на слѣдующее утро. Затѣмъ онъ отправился къ капитану Жерару, который, по словамъ хозяина гостиницы, возвратился наканунѣ въ городъ.

Капитанъ оказался дома. Онъ также обрадовался и удивился, увидавъ Тарзана невредимымъ.

„Когда поручикъ Жернуа вернулся и донесъ мнѣ, что не нашель васъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вы выразили желаніе ждаты возвращенія отряда съ рекогносцировки, я серьезно испугался. Мы нѣсколько дней обыскивали горы. Затѣмъ до насъ дошли свѣдѣнія, что вы были убиты и растерзаны львомъ, при чемъ въ доказательство было предъявлено ваше ружье. Лошадь ваша возвратилась въ лагерь на слѣдующій день послѣ вашего исчезновенія. Сомнѣній быть не могло. Поручикъ Жернуа былъ внѣ себя отъ горя и винилъ себя во всемъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы руководить лично поисками. Онъ то и нашель араба съ вашимъ ружьемъ. Онъ будетъ въ восторгѣ, когда узнаетъ, что вы живы и здоровы.“

„Безъ сомнѣнія“,—сказалъ Тарзанъ, мрачно усмѣхнувшись.

„Онъ сейчасъ отправился въ городъ, иначе я послалъ бы за нимъ,—продолжалъ капитанъ Жераръ.—Я ему все разскажу, какъ только онъ вернется“.

Тарзанъ не сталъ разубѣждать капитана, думавшаго, что онъ заблудился и случайно забрелъ въ дуаръ Кадуръ-бенъ-Садена. Онъ вскорѣ простился съ Жераромъ и поспѣшилъ обратно въ городъ. На постояломъ дворѣ онъ узналъ отъ Кадуръ-бенъ-Садена интересную для него новость. Говорили о появленіи бѣлаго, съ перевязанной рукой, расхаживавшаго повсюду въ одеждѣ араба. Незадолго передъ тѣмъ онъ уѣзжалъ изъ Бу-Саады, но въ настоящее время вернулся. Узнавъ, гдѣ онъ скрывается, Тарзанъ направился туда.

Ему пришлось брести по узкимъ, вонючимъ переулкамъ, гдѣ царила полная тьма, затѣмъ взобраться по шаткой лѣстницѣ, наверху которой онъ нашель закрытую дверь и надъ ней крошечное

окошко безъ стекла. Тарзанъ могъ какъ разъ достать до подоконника. Онъ сталъ медленно подниматься на рукахъ, пока его глаза не оказались на уровнѣ отверстія. Заглянувъ въ комнату, онъ увидѣлъ у стола Рокова и Жернуа. Послѣдній говорилъ:

„Роковъ, вы—дьяволъ! Своими преслѣдованіями вы довели меня до того, что я потерялъ послѣдніе остатки чести. Вы меня заставили совершить убійство, и теперь кровь этого Тарзана на моихъ рукахъ. Если бы я не зналъ, что моя тайна извѣстна еще другому мерзавцу, Павловичу, я бы васъ задушилъ здѣсь, сейчасъ же, голыми руками!“

„Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, — разсмѣялся Роковъ.—Какъ только станетъ извѣстно, что я погибъ отъ руки убійцы, Алексѣй сейчасъ же представитъ военному министру всѣ доказательства дѣла, которое вы такъ жаждете скрыть; а кромѣ того, васъ же обвинятъ въ моемъ убійствѣ. Ну, будьте же благодарны. Вѣдь я—вашъ лучший другъ. Развѣ я не берегу вашу честь наравнѣ съ собственной?“

Жернуа усмѣхнулся и выругался.

„Еще одинъ маленькій платежъ,— продолжалъ Роковъ, — да еще нужны мнѣ бумаги, и я вамъ даю честное слово, что я съ васъ никогда больше ничего не потребую: ни денегъ, ни свѣдѣній.“

„Еще бы! — проворчалъ Жернуа.— Вы вѣдь требуете отъ меня послѣдній мой грошъ и единственную цѣнную военную тайну, которую я знаю. Вамъ слѣдовало бы платить мнѣ за мои свѣдѣнія, а не тянуть еще съ меня деньги.“

„Я вамъ плачу тѣмъ, что держу языкъ за зубами,—возразилъ Роковъ.— Однако, пора кончать. Согласны ли вы или нѣтъ? Даю вамъ три минуты на размышленіе. Если вы откажетесь, я сегодня же вечеромъ пошло вашему командиру записку, и въ результатѣ вы подвергнетесь тому же наказанію, что и Дрейфусъ“.

Жернуа просидѣлъ нѣкоторое время, опустивъ голову. Наконецъ онъ всталъ и вынулъ двѣ бумаги изъ кармана кителя.

„Вотъ,—сказалъ онъ безнадежнымъ голосомъ,— я ихъ приготовилъ, такъ какъ все равно зналъ, что мнѣ

остается лишь одинъ исходъ!“— И онъ протянулъ документы Рокову, который съ радостью схватилъ ихъ.

„Вы правильно поступили, Жернуа,—сказалъ онъ, усмѣхаясь.—Больше я васъ не буду беспокоить,—впрочемъ, кромѣ того случая, если вы еще разъ накопите деньги или интересныя свѣдѣнія“.

„Это тебѣ больше не удастся, собака!—прошипѣлъ Жернуа.—Въ слѣдующій разъ я убью тебя! Сегодня уже я былъ близокъ къ этому. До моего прихода сюда я цѣлый часъ сидѣлъ за столомъ, разложивъ передъ собою эти два листа, а рядомъ съ ними лежалъ заряженный револьверъ. Я долго не могъ рѣшить, что мнѣ захватить съ собой. Въ слѣдующій разъ выборъ будетъ легче, такъ какъ теперь мое рѣшеніе уже созрѣло. Сегодня смерть уже витала надъ вами, Роковъ, не ищите судьбы вторично“.

Жернуа всталъ, намѣреваясь уйти. Тарзанъ еле успѣлъ спрыгнуть внизъ на площадку лѣстницы и спрятаться въ тѣни, съ другой стороны двери. Даже и тутъ у него было мало надежды остаться незамѣченнымъ. Послѣдняя почти сразу открылась, изъ нея вышелъ Жернуа. За нимъ шелъ Роковъ.

Оба молчали. Жернуа спустился ступеньки на три внизъ, затѣмъ остановился и сдѣлалъ полуоборотъ, какъ бы намѣреваясь вернуться назадъ.

Тарзанъ понялъ, что его непременно сейчасъ увидятъ. Роковъ все еще стоялъ на порогѣ, на разстояніи фута отъ него, но смотрѣлъ въ другую сторону на Жернуа, который, очевидно, перемѣнилъ свое намѣреніе и продолжалъ спускаться. Роковъ вздохнулъ съ облегченіемъ и возвратился въ комнату, закрывъ за собою дверь.

Тарзанъ подождалъ, пока Жернуа не удалился настолько, чтобы до его слуха не могло ничего дойти, затѣмъ толкнулъ дверь и вошелъ въ комнату. Онъ бросился на Рокова раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ встать со стула, на которомъ онъ сидѣлъ, разглядывая бумаги, принесенныя Жернуа. Когда онъ повернулъ голову и взгляды его упали на лицо Тарзана, онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть.

„Вы?“—проговорилъ онъ, задыхаясь.

Продолженіе слѣдуетъ.

Вышла изъ печати новая книга:

Александръ Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.

ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

Dum spiro, spero... — Обыденный. — Закладъ Св. Чудотворца Николая. — Сильнѣе женщины. — Каменя. — Сердце народа. — Лицо жизни. — Главкомъ. Обложка работы художника А. И. Владовскаго.

Из-во „Алконость“, Ревель—Берлинъ.

Цѣна **165** мар. Продажа во всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ Ревеля. Выписывающіе изъ склада изд., Б. Иоакимстальская, № 2, типографія „Эрк“, за пересылку не платяты.